

В. В. Водовозов.

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР И ЛИГА НАЦИЙ.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ».

Петроград. ◆ 1922.

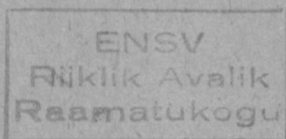
ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР

И

ЛИГА НАЦИЙ.

История заключения Версальского и других мирных договоров 1919—1920.—Их содержание.—Лига Наций; договор о ней и ее деятельность в первое время ее существования.—Территориальные изменения, внесенные Версальским и другими мирными договорами.—Контрибуции и другие экономические условия мирных договоров.—Политические и правовые условия мирных договоров.

В. В. Водовозов.

2-272.594

„МЫСЛЬ“
ПЕТРОГРАД.
1922

Р. II. № 671.

Тираж 3.000 экз.

Четвертая Государственная типография. Фонтанка, 57.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Прошло уже 3 года со времени заключения Версальского мира, и тем не менее он почти совершенно не известен в России.

Текст его целиком не переведен, сколько-нибудь полных изложений на русском языке нет. На иностранных языках ему уже посвящена громадная литература, и на Западе, вероятно, нет уже ни одного интеллигентного и интересующегося общественной жизнью человека, который не имел бы о нем ясного представления и не составил бы о нем определенного мнения. Будет ли это мнение положительным или отрицательным, во всяком случае, в его основе будет лежать не несколько непроверенных и неточных слухов о мире, а основательное знакомство с его содержанием.

В России совсем не то: знакомство с мирными трактатами, объединяемыми под общим, не совсем правильным наименованием Версальского мира, стало возможным только в самое последнее время, и только при знании иностранных языков и при возможности изучать иностранные книги не на дому, а в библиотеках в служебные часы (по большей части книги в них на дом не выдаются). И то знакомство далеко не полное, так как число имеющихся (по крайней мере, в Петербурге) книг далеко недостаточно.

С текстом мирных трактатов я мог ознакомиться по следующим изданиям:

The Treaty of Peace between the Allied and Associated Powers and Germany, and other Treaty Engagements, signed at Versailles, June 28-th, 1919; together with the Reply of the A. A. Powers to the Observations of the German Delegation on the Conditions of Peace. London. Published by His Majesty's Stationery Office. 1920. Price 2 sh. 6 d. (есть в библиотеке Морской Академии).

Здесь напечатан английский текст как мирного договора с Германией, так и других документов, упомянутых в заглавии книги.

Кроме того, я пользовался немецким переводом мира в издании:

Der Friedensvertrag unter Hervorhebung der abgeänderten Teile mit Inhaltsaufbau, Karten und Sachverzeichnissen. 1920. Verlage von R. Holbing in Berlin.

Это издание имеет то достоинство, что, давая окончательный текст Версальского мира, оно в примечаниях указывает на все отличия окончательного текста от первоначального, врученного германской делегации 7 мая 1919 г., а также на те отличия между двумя аутентическими текстами мира (английским и французским), которые хотя и в небольшом числе, но все-таки имеются; наконец, в приложениях помещен не только ответ союзных держав на замечания со стороны немецкой делегации (он имеется и в названном выше английском издании), но и эти самые немецкие замечания (в английском издании отсутствующие), а кроме того текст германского закона о введении в действие мирного трактата. Зато в немецком издании нет других версальских соглашений, имеющих в английском издании.

Мир с Австрией я изучал по английскому изданию:

The Treaty of Peace between the A. a. A. Powers and Austria, together with other Treaties, Agreements &, signed at Saint Germain-en-Laye, September 10, 1919, and Declarations, Treaties and other Documents relevant thereto, signed at Paris, Dec. 5. and 8, 1919, and July 16, 1920, and at Sèvres, Aug. 10. 1920. London, то же издательство, 1921. Price 1 sh. 6 d. (имеется в Морской Академии).

Для мира с Болгарией я пользовался следующим изданием:

Materialien, betreffend die Friedensverhandlungen. Teil XI. Amtlicher Text. Der Friedensvertrag zwischen Bulgarien und den Alliierten und Assoziierten Mächten nebst d. Schlussprotokoll gezeichnet in Neuilly-sur-Seine am 27. Nov. 1919; ratifiziert in Paris am 9. Aug. 1920. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Berlin 1920. Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.

Несмотря на немецкое заглавие, текст мира приведен здесь в подлиннике, по-французски; только краткое предисловие написано по-немецки.

Что касается мирных договоров с Венгрией и Турцией, то, к величайшему моему горю, в Петербурге их, насколько я знаю, до сих пор нет,—по крайней мере, нет в доступных мне книгохранилищах. Я знаю их только по довольно подробным их изложениям в книгах:

Annual Register for the Year 1919. Longmans, Green and Co. London, 1920 (имеется в библиотеке Академии Наук).

То же for the Year 1920. London 1921 (в Морской Академии).

Scott Keltie, Statesman's Yearbook for the Year 1921. London. Macmillan 1921 (в Морской Академии).

В статьях:

Revue des deux Mondes за последние годы (в Морской Академии) и некоторых других периодических изданиях и в книге:

What really happened at Paris. The Story of the Peace Conference 1919, by the American Delegates edited by E. M. House and Ch. Seymour. London. Hodder & Stoughton. 1921.

Для истории заключения мира я, кроме уже указанных книг и статей, пользовался книгой:

Materialien, betreffend die Friedensverhandlungen. Im Auftrage des Auswartigen Amtes. Berlin 1920. Томы 6 по 8 и 10 (имеются в Публичной Библиотеке).

Из них собственно к истории относится том 6-й, в котором помещены некоторые документы, относящиеся до переговоров о мире в Версале; к ним относится еще и т. 9, содержащий в себе ноты, которыми обменялись союзные державы с Германией в июне 1919 г., но, к сожалению, как раз этого тома в Публичной Библиотеке нет, как нет, кажется, вовсе в Петербурге. Том 7 представляет текст Версальского мирного договора на трех языках, т.-е. в подлиннике, по английски и французски (оба текста официально признаны аутентическими) и в немецком переводе. В него я заглядывал только изредка, когда мне был необходим французский текст, так как два вышеназванных издания для моей цели были почти достаточны. 8-й том представляет один только немецкий перевод мира, им я вовсе не пользовался, так как вышеназванное издание удобнее для пользования как благодаря своим примечаниям и приложениям, так и имеющимся в нем географическим картам. Том 10 представляет подробнейший и очень удобный алфавитный указатель к тексту Версальского мира, которым мне приходилось не мало пользоваться.

Далее, пользовался я также небольшой книгой:

Hans Helmolt. Ein Vierteljahrhundert Weltgeschichte 1894—1919. Charlottenburg. 1919 (в библиотеке Академии Наук).

Книга написана крайне пристрастно, в духе самого узкого немецкого национализма, и интересна главным образом для уяснения немецкой точки зрения, но представляет также интерес по содержащимся в ней фактическим сведениям и выпискам из официальных документов, а также по библиографическим указаниям.

Это и все,—других источников и пособий у меня не было. Это крайне мало, и потому пробелы в моей книге были совершенно неизбежны. Мне остается утешаться тем, что других книг в Петербурге нет, и что я сделал все, что было в моих силах. И позволяю себе надеяться, что, несмотря на неполноту, моя книга для русских читателей представит все-таки известный интерес.

Не в первый уже раз я касаюсь в печати этой темы. В начале 1922 г. в Петербурге вышла моя книга:

Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры. Петербург. Государственное издательство. 1922. 207 стр.

Во введении к этой книге я уже говорил о Версальском мире, об истории его заключения и его содержания, т. е. как раз о том, чему посвящена и моя настоящая книга.

Тем не менее, я позволяю себе думать, что названная сейчас моя книга не делает излишней и настоящую, и притом по двум причинам.

Первая в том, что главная задача моей книги «Западная Европа и Америка» состоит в изучении перемен, происшедших в экономическом и отчасти государственно-правовом строе государств Европы и Америки после войны; эта книга в значительной своей части чисто статистическая; Версальского мира я касался в ней только постольку, поскольку это было совершенно необходимо для понимания последующих глав, и потому говорил о нем только во введении, занимающем всего 16 страниц.

Здесь, напротив, Версальский мир — история его заключения и его содержания — составляет главную мою цель и единственное содержание всей книги.

Другая, и более важная, причина — в том, что моя „Зап. Европа и Америка“ в значительной степени уже устарела. Она написана почти год тому назад, предисловие к ней помечено 22 июля 1921 г. Тогда единственным моим источником для вводной главы служил Annual Register за 1919 г., — источник уж очень скудный; даже полного текста Версальского мирного договора у меня не было. Поэтому, я не мог избежать некоторых недоразумений и прямых ошибок. Тяжелые условия, в которых находится книгопечатное дело, замедлили печатание моей книги. В октябре, когда я имел в своем распоряжении немецкий перевод Версальского мира, я прибавил к моей книге дополнительную главу, в которой сделал кое-какие дополнительные указания и исправил кое-какие свои ошибки. И с этою дополнительною главою книга появляется в свет только весной 1922 г.

Но этих дополнений было крайне мало. Когда я их делал, у меня не было в распоряжении ни мира с Австрией, ни мира с Болгарией, ни других трактатов, напечатанных в двух английских томах, ни других книг, указанных выше.

Таким образом, настоящая книжка представляет очень сильно расширенную и исправленную на основании новых материалов вводную главу к моей книге „Западная Европа и Америка“.

Несколько иное должен я сказать специально о § 1

главы четвертой настоящей книги, посвященной территориальным изменениям. По плану настоящей книги, о территориальных переменах я говорю здесь обще и кратко, и притом даже и здесь полнее выдвигаю правовую сторону дела (напр., условия плебисцитов), чем территориальные изменения в тесном смысле слова. Напротив, в названной мною другой моей книге территориальным переменам посвящена большая глава, занимающая 40 страниц; там их я трактую гораздо подробнее. Там—это существенная часть моей книги, здесь—это деталь, имеющая второстепенное значение.

Но указание на устарелость относится к соответственной главе той моей книги в еще большей мере, чем к главе о Версальском мире.

Ставшие мне доступными книги и географические карты ¹⁾ дали мне возможность в настоящей моей книге отдел, касающийся территориальных изменений в Европе, представить хотя и в более кратком, но в совершенно обновленном и избавленном от прежних неточностей виде.

Значительная часть моей настоящей книги была уже написана, когда появилась в русском переводе очень интересная книга известного английского публициста-пацифиста Normann Angell, *Версальский мир и экономический хаос в Европе*. Петроград. Право, 1922.

Она не заставила меня отказаться от окончания моей книги, так как ее задачи и содержание совершенно иные. Я *излагаю* историю заключения Версальского мира и его содержание; Н. Анджелл не излагает их, так как считает их известными своему английскому читателю, но критикует мир; он *говорит об экономических последствиях мира для Европы* и человечества и доказывает, что Версальский мир есть мир и преступный, и близорукий, что он почти в той же мере губителен для победителей, как и для побежденных.

Прав или не прав Анджелл, — я здесь говорить не буду (в заключительной главе моей книги читатель найдет мой личный взгляд на мир, хотя и высказанный очень кратко). Во всяком случае, русский читатель должен знать не только общие взгляды на мир, но и самое его содержание; иначе общие взгляды будут висеть в воздухе. А его то я и даю в настоящей книжке.

Считаю нужным сделать здесь одно общее указание.

В заглавии моей настоящей книги, а иногда и в самой книге, я для краткости употребляю наименование „Версальский мир“ в не совсем точном его значении. Собственно

¹⁾ Кроме названных выше, книг для территориальных изменений я могу назвать:

Stielers Hand-Atlas, 9. Aufl. (имеется в Публичной Библиотеке) и Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, Jahrgang 1920. Berlin (предисловие помечено февралем 1921).

Версальским миром называется один только трактат о мире с Германией, подписанный ею и 27 союзными державами в Версале 28 июня 1919 г. Между тем, „мир“, которым закончилась великая мировая война, не ограничивается этим трактатом; в него входит и Сен-Жерменский мир с Австрией, и мир с Болгарией, подписанный в Невли, и Трианонский мир с Венгрией, и Севрский мир с Турцией, и множество других договоров.

Все эти договоры, вместе взятые, представляют из себя одно неразрывное целое, но в литературе и, тем более, живом разговоре это единое целое для краткости нередко обобщается именем Версальского мира, относящимся только к одной его части, — этому уже установившемуся обычаю иногда следовал и я.

В. Водовозов.

Петербург, 29 марта 1922 г.

До Парижской конференции.

I.

Последние месяцы войны и начало мирных переговоров.

Наступил пятый год войны. Германия только что заключила в Брест-Литовске блестящий для нее мир с Россией: эта последняя была выбита из числа противников, должна была уплатить значительную контрибуцию золотом и снабжать Германию своим хлебом. Бельгия попрежнему была оккупирована германскими войсками, и ее фабрики, восстановленные и вновь пущенные в ход, поскольку они были разрушены или повреждены во время нашествия в 1914 г., усиленно работали на Германию. Север Франции, север Италии, вся Сербия по-прежнему находились под властью держав германской коалиции. Более того: германское наступление во Франции 1918 г. имело значительный успех. Ничто, таким образом, не предвещало, по крайней мере, для широкой публики, недостаточного осведомленной об истинном положении дел, близкого краха победоносной Германии. Правда, в самом конце четвертого года войны в германских успехах началась некоторая заминка. 18 июля 1918 г. генерал Фош начал наступление между Эной и Марной, которое, несмотря на стойкость германских войск, привело для них к потерям, хотя и не особенно значительным. В первый же день этого наступления немцы должны были очистить Шато Тьерри, через три дня—Нельи, 28 июля—Фер ан Тарденуа. Потеснены были немцы и на других частях фронтовой линии. Но большого значения это не имело—отдельные неудачи случались и раньше.

Хуже, чем самый факт военных неудач, была их причина. Ближайшая причина лежала в прибытии к французам и англичанам значительных подкреплений из Америки, и еще хуже то, что эти подкрепления все прибывали и прибывали. В марте и апреле, по немецким подсчетам, через океан пересекло 163.300 американских солдат, в мае—200.000, в июне—245.000, в июле—295.000. Цифры все росли, и конца этому явлению еще не предвиделось, а в Германии с ее союзницами человеческий материал был давно исчерпан.

Еще хуже было то, что делалось внутри самой Германии. До войны Германия производила от 10 до 12 миллионов тонн ржи и около 4 миллионов тонн пшеницы, да ввозила из заграницы несколько миллионов. Теперь, с начала войны, заграничный ввоз почти превра-

тился, а собственная жатва падала из года в год; в 1918 г. было собрано всего 8 милл. тонн ржи и 2,4 милл. тонн пшеницы; за вычетом семян, народ имел на потребление лишь немногим больше половины довоенной нормы. Уменьшалось количество скота, уменьшился улов рыбы; вообще, Германия сильно не доедала,—но, что было всего хуже, в будущем не предвиделось просвета. Враг, несмотря на все поражения, несмотря даже на потерю такого союзника, как Россия, не был сломлен, и война, казалось, грозила тянуться до бесконечности. В Германии, тем более в Австрии, начинало чувствоваться утомление, упадок духа.

Отдельные лица, даже из числа тех, которые горячо приветствовали войну и вначале кричали о войне до последней капли крови, уже со второго года войны начали понемногу отрезвляться от военного опьянения. Не только среди социал-демократов, но и среди так называемых партий порядка появилось сильное течение в пользу мира.

Первые издавна были противниками всяких войн, даже и победоносных, но среди последних мирное течение начало находить сторонников только по мере того, как крепло сознание невозможности победы. Сначала такое сознание было достоянием лишь отдельных единиц, вроде депутата партии центра Эрбергера (впоследствии министра, убитого осенью 1921 г.), потом оно охватило значительное число политических деятелей, так что 19 июля 1917 г. германский рейхстаг принял известную «мирную» резолюцию, которая послужила для союзников первой вестью о том, что перелом в ходе войны приближается, и послужила как раз в тот момент, когда союзники начали терять веру в возможность своей победы¹⁾.

Все-таки еще целый год Германия не только сопротивлялась, но одерживала победы. Но наконец и ее энергия была сломлена.

Как уже сказано выше, в июле 1918 г. начались ее неудачи на театре военных действий.

2 августа, на следующий день после четвертой годовщины войны, был потерян Суассон. Но действительно поворотным моментом войны скорее всего можно считать день 8 августа, когда началось англо-французское наступление в районе реки Соммы. Это для Германии было началом конца. Неудача на поле битвы обнаружила недостаток дисциплины в армии. Повсемногу возвращавшиеся из русского плена немецкие солдаты оказывались проникнутыми духом большевизма и служили ферментом разложения.

14 августа генерал Людендорф прямо заявил императору, что война проиграна.

¹⁾ Адмирал Симс после переговоров с адм. Джеллико летом 1917 г. послал в Вашингтон меморандум, в котором говорил, что война должна окончиться неудачей. Как раз в это же время союзникам стала известной резолюция рейхстага, убедившая их, в том числе и самого Симса, в ошибочности его мрачного прогноза. Факт сообщен самим Симсом в его статье в *Pearson's Magazine*, осень 1919. Приведено у *Helmolt*, «*Vierteljahr-handertgeschichte. 1894--1919*», Charlottenburg, 1919, стр. 140.

За полтора месяца перед тем такое же заявление стоило министру иностранных дел Кюльману его поста. На этот раз результат был прямо противоположный: император предложил министру иностранных дел Гивтце (заместителю Кюльмана) выбрать удобную минуту, в которую с надеждою на успех можно было бы через посредство нидерландского правительства обратиться к союзникам с предложением начать мирные переговоры.

Вопрос о мире ставился уже не в первый раз.

Еще 12 декабря 1916 г. германское правительство обратилось к своим противникам с нотой, которою предлагало начать переговоры о мире. Но в этой ноте не было конкретного содержания: Германия не указывала ни одного пункта, который мог бы быть положен в основу переговоров, и потому союзники не пожелали даже ответить на германское предложение.

Таким образом, первая попытка осталась безрезультатной. Безрезультатным оказалось и обращение 27 марта 1917 г. (н.ст.) П-бургского совета рабочих и солдатских депутатов к пролетариату всего мира, с провозглашением нового лозунга: без аннексий и контрибуций.

После этих двух попыток прошло около года.

8 января 1918 года Вильсон, президент уже вступивших в войну Соединенных Штатов, обратился к конгрессу своей родины с посланием, в котором в 14 пунктах наметил программу желательного, по его мнению, мира ¹⁾.

Первый его пункт говорил собственно не о содержании мира, а о форме и способе его заключения, и гласил:

«I. Открытый договор о мире, достигнутый путем открытого обсуждения условий, после которого никакие частные международные соглашения не будут допускаться, и дипломатия должна будет всегда действовать открыто и на глазах общественного мнения».

Другими словами—полная гласность всех дипломатических переговоров вообще и переговоров, касающихся мира после настоящей войны в частности. То же требование, которое многократно предъявлялось социал-демократией в форме лозунга: «Долой тайную дипломатию».

Остальная часть программы устанавливала самое содержание желательного, по мнению Вильсона, мирного трактата. В ней господствовал особый тон, не вполне обычный в подобного рода документах: вся она проникнута отвлеченными моральными принципами, так что послание президента в целом производит скорее впечатление речи религиозного проповедника, какого-нибудь квакера или методиста, чем деловой программы политического деятеля. Главная идея, на которой построена программа Вильсона, такова: мир, которого мы добиваемся, должен быть прочным и долговечным; для этого все

¹⁾ Это послание Вильсона в русском переводе напечатано целиком в „Известиях Информационного Отдела Центрального Информационного бюро при Исполнительном Комитете Советов, Крестьянских, Рабочих и Красноармейских Депутатов“, вып. 1, Петроград, 1919, стр. 42.

законные притязания народов должны быть удовлетворены, все международные вопросы урегулированы на основе не силы, а права и справедливости.

Идея эта многократно выражается в отвлеченных, торжественных (но не всегда достаточно определенных) положениях, причем Вильсон беспрестанно апеллирует к убеждениям всего человечества, к справедливости, к братству народов и тому подобным принципам.

«Бельгия, гласит, например, п. 7, должна быть освобождена и восстановлена без всякой попытки ограничить суверенитет, которым она пользуется наравне со всеми другими свободными нациями; все человечество, несомненно, с этим согласится. Никакой другой акт не послужит более, чем этот, для восстановления среди наций доверия к тем законам, которые они сами выработали и установили для урегулирования своих взаимоотношений. Без этой целительной операции, вся структура и прочность международного права будет навсегда скомпрометтирована».

«Вся французская территория, гласит п. 8, должна быть очищена, и оккупированные части ее возвращены, и несправедливость, причиненная Франции Пруссией в 1871 г. в Эльзас-Лотарингском вопросе, который в течение почти пятидесяти лет явился угрозой для мира человечества, должна быть исправлена, дабы можно было обеспечить мир в общих интересах».

Из требований права и справедливости вытекают, по мнению Вильсона, следующие основные принципы будущих международных отношений:

Свобода морей, как в мирное, так и в военное время (п. 2).

Устранение, по мере возможности, всех экономических барьеров между государствами и установление равенства в условиях торговли между всеми нациями (п. 3).

Сокращение вооруженных сил до пределов, необходимых для поддержания внутренней безопасности (п. 4).

Территориальное разграничение государств «на основании ясно выраженных национальных данных», чтобы народам «была предоставлена возможность автономного развития». Для этого, между прочим, таким государствам, как Сербия и Польша, должен быть предоставлен доступ к морю (п.п. 8, 9, 10 и др.).

«Должна быть образована, по особому соглашению, Всеобщая Лига Наций, в целях создания взаимных гарантий политической независимости и территориальной неприкосновенности как великих, так и малых государств» (п. 14).

Из частных и более конкретных условий, кроме очищения от немецких и австрийских войск оккупированных ими частей Бельгии, Франции, Сербии и др., Вильсон называет следующие:

Возвращение Эльзас-Лотарингии Франции, присоединение к Италии населенных итальянцами частей Австрии, предоставление народам Австро-Венгрии и Турции самостоятельности, создание свободной Польши на национальной основе, обеспечение ей, так же, как и Сербии, свободного выхода к морю; свобода прохода через Дарда-

неллы для коммерческих судов всех наций. Что касается России, то ей посвящен пункт самый длинный и, вместе с тем, наименее определенный и наименее ясный во всем послании. Вот его текст:

«Освобождение всей русской территории и также разрешение всех вопросов, затрагивающих Россию, которое гарантирует ей самое лучшее и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и национальной политики и которое обеспечит ей радужный прием в сообщество свободных наций, при том образе правления, который она сама себе изберет, а также всяческую поддержку, в которой она может нуждаться и которую она сама может пожелать. Отношение, которое будет проявлено к России другими братскими народами в течение грядущих месяцев, явится тем пробным камнем, на котором будут испытаны их добрые чувства к ней, /их понимание ее нужд, отличающихся от их собственных интересов, их мудрость и бескорыстность их симпатий» (п. 6) ¹⁾.

Почти так же неясен и пункт, касающийся колоний:

«Свободное, откровенное и безусловно беспристрастное рассмотрение всех колониальных притязаний, основанное на строгом соблюдении того принципа, что при разрешении всех таких вопросов о суверенитете интересы народов, которых это касается, должны соблюдаться наравне с справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены» (п. 5).

Очевидно, что при примирении интересов народов, «которых это касается» (т.-е. негров и др., населяющих колонии), с справедливыми требованиями правительств, «под властью которых живут эти народы», Вильсоновская программа открывала неограниченный простор для самых разнообразных, исключающих друг друга, толкований, одинаково опирающихся на общие принципы этой программы: но именно в этой растяжимости выражений, так же, как во фразах о «братских народах», с их «мудростью и бескорыстными симпатиями», о «согласии всего человечества» и т. д. вполне сказался дух Вильсона.

Из требований, выставленных в программе, одно—свобода морей—явно говорило, что в этой области интересы Соединенных Штатов гораздо ближе к интересам их врага, Германии, постоянно выдвигавшей его против Англии, чем к интересам последней. Но любопытно, что как раз пункт, иллюстрирующий это общее требование, отличается особенно — кто знает, случайною или намеренною — недоговоренностью: почему-то Вильсон предусматривает свободу плавания по Дарданеллам и в то же время совершенно умалчивает о Босфоре.

Программа Вильсона вызвала много отголосков, — сочувственных и несочувственных, — в печати союзных государств, но ни одно правительство не заявило официально о своей с нею солидарности, хотя ни одно не сделало и противоположного. Не сделали этого, конечно, и правительства германской коалиции. Только сам Вильсон еще несколько

¹⁾ Здесь, как и везде, программу Вильсона цитирую по несколько тяжеловестному переводу „Известий“.

раз возвращался к своей программе, разъясняя и пополняя ее. Всего более значения в этом отношении имеет его речь, произнесенная в Нью-Йорке значительно позднее, 27 сентября того же 1918 г., когда начало переговоров о мире отчетливо рисовалось уже в не очень отдаленном будущем.

В этой речи Вильсон дал полную волю своим риторическим наклонностям. Объясняя, почему Америка вступила в войну, он говорил:

«Наши братья и наши мертвецы со всех стран и со дна морского громко зывали к нам, и мы послушали на призыв».

Затем он ставил несколько риторических вопросов, большая часть которых сводится к одному: должны ли господствовать в человеческих отношениях сила и насилие—или право и справедливость. Но один из них поставлен более конкретно:

«Будут ли народы управляться в своих внутренних делах произвольной и безответственной властью или же своей собственной волей и по собственному выбору»¹⁾.

После этого вопроса, ясно метившего в Германию и императора Вильгельма, хотя и не называвшего их прямо, Вильсон уже совсем прямо говорил, что никакие переговоры с нынешним правительством Германии и Австро-Венгрии недопустимы, так как их поведение в Брест-Литовске и Бухаресте «убедило нас, что эти правительства нечестны и не желают справедливости; они не считают себя связанными договорами и в своей деятельности не знают иного начала, кроме насилия и собственного интереса... Мы с ними мыслим разное и говорим на разных языках».

За этим заявлением о невозможности каких бы то ни было переговоров с правительствами центральных держав, Вильсон, несколько противореча себе, говорил:

«В мирных переговорах будут участвовать правительства, слова которых не заслуживают доверия: поэтому придется в связи с самими переговорами о мире найти средства для устранения этого источника недоверия»,—т.е. нельзя полагаться на простые обещания Германии и Австро-Венгрии, а нужно добиться от них достаточных гарантий.

Заклучил свою речь Вильсон следующим образом:

«Однако, эти общие слова не дают еще ясной картины целого. Необходимо еще изложение частных условий для того, чтобы наша программа потеряла свой абстрактный характер и могла приобрести практическое значение.

«Во первых, нелицемерная справедливость, которую мы предполагаем, не должна привести к тому, что мы будем проводить различие между теми, по отношению к коим мы хотели бы быть справедливыми, и теми, по отношению к которым мы не желали бы быть справедливыми. Справедливость не должна признавать какие-либо степени, а лишь равные права для всех народов.

«Во вторых, никакой частный исключительный интерес любой отдельной нации или группы наций не может послужить основанием для какой-либо части мирного договора, если этот интерес несовместим с общим интересом

«В третьих, в пределах общей семьи народов недопустимы никакие союзы, соединения и никакие частные договоры или соглашения.

¹⁾ См. те же «Известия», стр. 44.

«В четвертых (здесь я пускаюсь в более подробное изложение), в пределах союза недопустимы никакие частные эгоистические экономические соглашения, никакой хозяйственный бойкот в какой бы то ни было форме и никакая мера, исключаящая какой-нибудь народ из общения народов. Единственно лишь та безусловная власть, которая предоставляется союзу народов, может, в виде экономической кары, устранить какого-либо члена от пользования мировыми рынками, а также применять это средство, как меру дисциплины и контроля.

«В пятых, все международные договоры и соглашения всякого рода должны быть полностью сообщены всему миру. Частные соглашения и экономическое соперничество являются для современного человечества источником махинаций и планов, порождавших постоянные войны. Мир, условия которого не отвергали бы этого ясно и открыто, был бы неискренним и непрочным миром».

Эта последняя речь Вильсона как будто бы делала все возможное, чтобы затруднить для Германии и Австрии просьбу о мире и, следовательно, чтобы отдалить начало переговоров. Повидимому Вильсон был уж слишком уверен в победе и в твердости войск Америки и союзников, чтобы не бояться некоторой затяжки и даже, может быть, желать ее, чтобы поставить побежденным более тяжелые условия. Но возможно и то, что требование Вильсона, чтобы Германия свою произвольную и безответственную власть заменила властью выборной, было ловким дипломатическим ходом, провоцировавшим в Германии революцию, которая, конечно, должна была лишить ее всякой возможности сопротивления каким бы то ни было требованиям победителей.

И однако прошла всего одна неделя после этой речи, как императорское правительство Германии обратилось с просьбой о мире, — притом обратилось с нею именно к Соединенным Штатам и даже прямо в самом тексте своей просьбы ссылалось не только на Вильсоновское послание 8 января, но даже на эту самую речь 27 сентября, в которой его клеймили именем правительства нечестного.

Это само по себе свидетельствовало о том, что Германия доведена до полного истощения и о сопротивлении не может и думать. Впрочем, были и некоторые обстоятельства, дававшие германскому правительству некоторые основания не принимать на свой счет обвинения в нечестности: ведь это было уже не прежнее безответственное правительство, которое заключало мир с советской Россией в Брест-Литовске и Румынией в Бухаресте, а новое, признавшее принципы парламентаризма, — но, конечно, основание это было очень шаткое.

Мы видели, что в Германии уже 14 августа было признано необходимым просить мира: в этот именно день император Вильгельм приказал министру иностранных дел Гинтце выбрать удобную минуту для предъявления такой просьбы. Но удобная минута все не наступала ¹⁾. А время между тем шло, и обстоятельства складывались все менее и менее благоприятно для Германии.

¹⁾ Не наступала она, по крайней мере, для серьезного предложения, которое могло бы увенчаться успехом. Предложение не серьезное было сделано 14 сентября: австро-венгерское правительство, с согласия Германии, обратилось ко всем воюющим державам с предложением послать делегатов в какой-нибудь нейтральный пункт для предварительных и вместе

Складывались они мало благоприятно на французском фронте, где англо-французско-американское наступление постепенно развивалось, а немцам приходилось отступать, хотя еще и медленно.

Еще менее благоприятно складывались они на юге, и не только и даже не столько благодаря военным неудачам, сколько благодаря перемене в настроении болгарского народа. Уже Бухарестский мир 7 мая 1918 г., заключенный германской коалицией с Румынией, не обратил достаточного внимания на интересы Болгарии в Добрудже и вызвал там сильное неудовольствие. Жертвой этого неудовольствия пал кабинет В. Радославова, руководившего болгарскою политикою во время войны вплоть до 16 июня 1918 г., когда он должен был уступить место кабинету вождя каравелистской партии А. Малинова. До начала войны Малинов был, хотя, может быть, и недостаточно решительным, но, во всяком случае, противником той политики Фердинанда и Радославова, которая вела к ней; когда она началась, он принял ее и поддерживал правительство (в противоположность вождю партии земледельцев Стамбулийскому, который, как решительный противник войны, все время сидел в Черна Джамие)¹⁾. 16 июня он образовал кабинет, который не был кабинетом немедленного мира, но все же был кабинетом весьма нежелательным и неудобным для Германии и Австрии, на который полагаться они не могли.

Сначала Малинов продолжал войну. Он продолжал ее еще в августе, когда австрийцы били итальянцев в Албании. Но вот, 15 сентября началось с юга французско-сербское наступление: Утомленные почти непрерывной шестилетней войной (с 1912 г.), болгарские войска поколебались. 22 сентября французы прорвали болгарский фронт между городом Монастырем (иначе Битоль) и рекой Вардар и отрезали две болгарские армии друг от друга и одну из них от Болгарии. В войсках началась паника.

Через три дня, 25 сентября, Малинов, после предварительного обсуждения вопроса с представителями парламентских партий и с их полного согласия, обратился непосредственно к французскому главнокомандующему на Балканах генералу д'Эсперей (d'Esperey) с просьбою о приостановке военных действий; в ночь на 30 сентября перемирие было подписано, причем державы Согласия пред'явили довольно снисходительные условия²⁾.

с тем „ни к чему не обязывающих переговоров“ об основных принципах возможного мира. Само собою разумеется, державы Согласия ответили на это предложение презрительным отказом.

1) Буквально: черная мечеть. Так называется тюрьма в Софии, переделанная из старинной мечети.

2) Вот они: 1) Демобилизация болгарской армии: болгарские войска, находящейся вне болгарской территории, сдаются в плен. 2) Болгария очищает все занятые ею территории. 3) Македонский вопрос остается открытым до всеобщего мирного конгресса. 4) Удаление с болгарской территории всех немцев и австрийцев. 5) Союзники гарантируют суверенитет и неприкосновенность старой Болгарии (т. е. Болгарии в границах 1912 г., кроме Добруджи, потерянной в пользу Румынии уже во вторую Балканскую войну летом 1913 г.).

Болгария, совершая измену союзницам, не только не предупредила их об этом заблаговременно, но вполне понятным соображениям, но не сочла нужным оповестить их о ней и после нее, и они узнали о роковом для них событии кружным путем только через 36 часов: под утро 27 сентября.

Четверной союз был, таким образом, взорван: из него ушел один союзник, а другой—Турция—был отрезан от двух главных и обречен на полное бессилие, полную для них бесполезность. К тому же ее положение уже за несколько дней до измены Болгарии сделалось довольно критическим: 18 сентября началось английское наступление в Сирии, 24 сентября англичане одержали блестящую победу, благодаря которой им досталось 40.000 пленных и 265 орудий, а 1 октября они взяли Дамаск. Турецкие войска бежали из Сирии в паническом ужасе.

Первы самих немецких генералов не выдержали. 29 сентября Людендорф, а 1 октября сам Гинденбург—решительно потребовали у правительства немедленного обращения к врагам с предложением перемирия и мирных переговоров.

Тогдашний германский канцлер гр. Гертлинг и в особенности вице-канцлер Паппер, из которых последний еще 11 сентября произнес в рейхстаге воинственную речь, не могли пойти навстречу этому требованию и уже за несколько дней перед тем подали в отставку.

Император предложил канцлерство принцу Баденскому Максу, ставшему известным в последнее перед этим время в качестве сторонника скорейшего мира и вместе с тем сторонника введения в Германии парламентарного и демократического строя.

Макс принял пост: и принял его после совещания с лидерами парламентских партий и выработки общими усилиями программы действий. Таким образом, принц Макс был первым (и последним в императорской Германии) канцлером, явившимся парламентским путем.

30 сентября состоялось его официальное назначение, причем был опубликован указ императора Вильгельма, в котором возвещалась великая конституционная реформа в империи и крупная избирательная реформа в королевстве Прусском; первая вступала отныне в число парламентарных держав, и ее правительство должно было опираться на парламентское большинство; последнее должно было получить демократическое избирательное право.

В следующие дни было преобразовано германское министерство, и в его состав вступили социал-демократы Шейдеман и Густав Бауер.

Таким образом, император Вильгельм сдал свои позиции: Макс Баденский имел основание считать, что к правительству, во главе которого стоит он, упреки Вильсона не относятся.

В ночь с 4 на 5 октября он, через посредство швейцарского правительства, обратился к правительству Соединенных Штатов с следующей краткой телеграммой:

«Германское правительство *просит* президента Вильсона взять в свои руки восстановление мира. Оно ему поручает также осведомить об этом все воюющие страны и предложить им прислать своих уполномоченных для ведения переговоров. Германское правительство принимает в основу своего предложения послание президента к конгрессу Соединенных Штатов от 8 января 1918 года и его последующие заявления, в особенности в его речи от 27 сентября. Дабы прекратить дальнейшее кровопролитие, германское правительство *просит* установления немедленного перемирия как на суше, так и на море, а также и в воздухе».

Подписано: принц Макс Баденский, рейхсканцлер.

На следующий день, 5 окт., принц Макс Баденский произнес в Рейхстаге длинную и обстоятельную речь. В ней он развивал свою программу и особенно подчеркивал, что она не есть выражение воли отдельного лица, но продукт соглашения лидеров партий, составляющих парламентское большинство, и, следовательно, в ней сказывается воля большинства германского народа. В той же речи принц Макс сообщил рейхстагу о посланной им телеграмме.

«Она обращена к президенту Соединенных Штатов, говорил он, потому что он в своем послании к конгрессу от 8 января 1918 года и в своих позднейших заявлениях, в особенности в своей нью-йоркской речи от 27 сентября, изложил программу всеобщего мира, которую мы можем принять, как основание для переговоров. Я предпринял этот шаг не только ради освобождения всего человечества, страдающего уже столько лет под гнетом войны, но еще и потому, что воззвания господином Вильсоном идеи, направленные на будущее счастье народов, в общем вполне соответствуют представлениям, которые имеет об этом новое германское правительство и наибольшая часть нашего народа».

Таким образом, «новое» германское правительство от имени большинства германского народа заявляло о своей солидарности с Вильсоном, назвавшим предыдущее германское правительство нечестным.

Уступка была очень большая, и едва ли ее смысл смягчался несколькими фразами, которые принц счел нужным прибавить о «нашей чести и счастья нашего потомства», ради которых Германия готова вести войну и впредь, если окажется в этом надобность; что мир, который будет заключен, ни в каком случае не затронет «нашу честь», что это будет мир правовой, и т. д.

Верил ли в эти фразы сам Макс, верило ли в них то подавляющее большинство рейхстага, которое одобрило его политику?

Может быть, да, потому что ему уж очень хотелось верить. Но оснований для веры не было. И дальнейший ход событий быстро разочаровал их, если они действительно верили.

В тот же день, 5 октября, австро-венгерское правительство через посредство шведского, турецкое через посредство испанского, — обратились к Вильсону с аналогичными просьбами; в обоих имелись те же ссылки на послание и речи Вильсона.

Казалось, дело мира было пущено по верной дороге. В действительности оказалось, что до мира или даже до перемирия еще далеко.

8 октября министр иностранных дел Соединенных Штатов Роберт Лансинг осведомился у германского канцлера, думает ли он, что императорское германское правительство действительно принимает условия,

изложенные Вильсоном в его послании 8 января и в следующих заявлениях, и говорит ли канцлер «только от имени тех властей имущих лиц, которые до сих пор вели войну»: кроме того, он заявлял, что перемирие невозможно, пока войска центральных держав находятся на чуждых территориях.

Таким образом, Вильсон потребовал от Германии отказа от единственного оставшегося у нее военного преимущества. Это, впрочем, совершенно естественно: союзники, шедшие от победы к победе, не имели расчета давать Германии время, чтобы оправиться. Но из прямого смысла телеграмм, которыми обменялись Маке Баденский и Лансинг, можно было сделать вывод, что согласие Германии на это условие и утвердительный ответ на два поставленные вопроса дадут ей перемирие и затем участие в мирном конгрессе.

Германия сделала то и другое: дала тот утвердительный ответ, который Вильсону, без сомнения, был известен и раньше, и согласие на немедленное очищение чужих территорий.

Тем не менее, Вильсон не торопился. Пришлось обменяться еще несколькими нотами явно затяжного характера, причем Германия усиленно подчеркивала, что ее правительство есть правительство народное, что ему подчинены все военные власти, и усиленно повторяла—может быть, сама веря своим словам,—что она «ждет перемирия, которое послужит преддверием справедливого мира, как его обрисовал президент в своих посланиях». Наконец, 23 октября 1918 г., Лансинг от имени президента обратился к германскому правительству с новым решительным требованием. Вильсон согласен, говорилось в ноте 23 октября, предложить союзникам обсудить вопрос о перемирии, но он требует гарантии того, что Германия не возобновит военных действий. Ведь, он не имеет данных для суждения о том, насколько глубок и прочен переворот, происшедший в германском государственном строе, скорее—напротив:

«Ясно, что у германского народа нет средств приказать военным властям подчиниться воле народа, что право прусского короля руководить политикой империи еще неизбежно, что решающее слово все еще принадлежит тем, кто до настоящего времени управлял Германией.

В сознании того, что всеобщий мир зависит теперь от того, чтобы говорили ясно и действовали искренно и определенно, президент считает своим долгом, не смягчая резких выражений, высказать, что народы мира не питают и не могут питать доверия к тем, кто до настоящего времени руководил германской политикой, а также подчеркнуть еще и то, что при заключении мира и попытке положить конец бесконечным страданиям и несправедливостям этой войны правительство Соединенных Штатов *может вести переговоры только с представителями немецкого народа*, которые одни могут служить лучшей, нежели господствующие властители Германии, гарантией истинно конституционного поведения. *Если бы пришлось вступить в переговоры с военными диктаторами и монархическими авторитетами Германии, то нам и впредь при урегулировании международных обязательств немецкого народа пришлось бы иметь дело с ними же.*

«*При таких условиях Германия не может вести никаких переговоров с миром и она должна сдаться.*»

Нельзя было выразиться яснее: или отречение императора Вильгельма от престола и мир на основе соглашения, или—император

Вильгельм и сдача без переговоров, без условий. Германский народ и даже германское правительство и правящие партии это поняли—и порядок их был сделан единодушно.

Один Вильгельм не хотел понять этого, и никакие убеждения самых близких к нему лиц, в том числе и принца Макса, не могли убедить его отречься от престола. 2 ноября он категорически заявил своим министрам, что добровольно он не отречется.

Народ понял, что император остается главным препятствием к миру, а мир был уже более чем мечтой и чашием: он стал уже совершенной необходимостью.

Император, который за четыре года перед этим был главным виновником мировой войны, ввергнувшей его родину в пучину бед, теперь своим безнадежным упрямством толкал народ на революцию, которая должна была навлечь на его родину новые бедствия.

С 28 октября начались в разных местах Германии волнения; 3 ноября в Киле матросами была произведена уличная демонстрация, во время которой раздавались громкие крики: «долой Вильгельма». В тот же день независимыми социалистами была организована республиканская демонстрация в Мюнхене. На следующий день имели место беспорядки в Штуттгарте, за ними последовали опять в Киле, Гамбурге, Любеке. На некоторых раздавались большевистские лозунги. 7 ноября социал-демократическая партия рейхстага предъявила ультиматум с требованием отречения императора. Аналогичные требования были предъявлены различными группами офицеров.

Вильгельм продолжал упорствовать.

Наконец 9 ноября император заявил своим министрам готовность отречься от императорской короны, но с тем условием, чтобы сохранить корону прусскую. Тогда канцлер принц Баденский самовольно опубликовал сообщение, что император германский и король прусский Вильгельм отрекается от обеих корон.

Только после этого Вильгельм понял, что его дело проиграно, спешно оставил Германию и уехал в Нидерланды.

Его наследницей была революция. Ни дисциплинированного войска, которое могло бы сопротивляться наступающему неприятелю, ни законного правительства, которое могло бы спокойно управлять страной, более не существовало. Во все время обмена нотами военные действия продолжались, если это можно назвать военными действиями. Германские войска очищали пункт за пунктом. 15—18 октября были очищены наиболее северные пункты Франции: Дуэ, Рубе, Лилль, и французские войска, преследуя немцев, вступили в Бельгию; в те же дни был взят Остенде, 19 октября Брюгге, и т. д. Правда, немцы, сдавая позицию за позицией, отступали в полном порядке. Это подняло настроение высших военных сфер, а поведение союзников, Вильсона в особенности, вызывало в них раздражение и заставляло предчувствовать характер будущего мира. Людендорф, тот самый Людендорф, который заявил императору Вильгельму о необходимости сдачи, теперь поднял вопрос о необходимости организовать народную войну, вроде германской 1813 г.

или французской 1870 г., и сообщил фронту, что о сдаче не может быть и речи. Но правительство Макса Баденского увидело в этом последнем действии большую опасность и немедленно дало отставку Людендорфу (26 октября). Действительно, сопротивление, в виду явно сказавшегося настроения народных масс, войска и флота, делалось немислимым. Отступление продолжалось, только делаясь все более поспешным и все более беспорядочным. Еще до отречения Вильгельма Вильсон сообщил германскому правительству ответ союзников на германское предложение, в котором они выражали согласие на перемирие и мир, с тем, чтобы в основу мира была положена Вильсоновская программа, с двумя оговорками: 1) В виду того, что выражение «свобода морей» допускает различные толкования, союзники по этому пункту сохраняют за собой свободу действий. 2) Вильсон в своих 14 пунктах требовал, чтобы оккупированные немцами области были не только очищены, но и «восстановлены». Союзники безусловно настаивают на этом, причем под восстановлением они понимают также возмещение всего ущерба, причиненного всему гражданскому населению. Наконец 11 ноября в 6 часов утра в Компьене маршалом Фошем и английским адмиралом Вемиссом со стороны союзников, старте-секретарем Эрцбергером и несколькими другими лицами с германской стороны было—подписано перемирие.

Перемирие с Турцией было подписано уже 31 октября, а с Австро-Венгрией 3 ноября.

В аналогичном, если не в худшем, положении были Австрия и Венгрия, на которые тоже перекинулась революция. Австро-Венгерской монархии, как целого, уже не существовало: еще 1 ноября Венгрия провозгласила себя самостоятельной и независимой от Австрии, а Чехия отделилась от Австрии еще раньше. Император Карл I (в качестве короля венгерского—Карл IV) 12 ноября тоже должен был уехать за-границу, и во всех трех частях бывшей единой монархии образовались свои особые временные правительства.

Несколько лучше было положение Болгарии, в которой царь Фердинанд поспешил отречься от престола в пользу своего сына Бориса заблаговременно, еще 4 октября, и этим предупредил революцию. В Турции тоже пока сохранилось старое правительство с султаном Магомедом VI во главе.

Не долго после заключения перемирия Германия могла утешаться надеждой, что мир будет заключен на основе 14 пунктов Вильсоновской программы. Ее первый пункт, обещавший открытое обсуждение условий мира на общем конгрессе, был нарушен с самого начала: союзники решили между собой, что конференция для выработки мира соберется в Париже в начале 1919 года, но что на нее будут приглашены только участники антигерманской коалиции; напротив, державы, принадлежавшие к коалиции германской, на нее допущены не будут: конференция выработает текст мирного договора и предложит его Германии, предоставив ей обсудить его и сделать свои замечания; затем конференция обсудит эти замечания и, может быть, сделает соответственно им изменения в тексте договора, кото-

рый после этого уже в окончательном виде будет предложен Германии; от нее будет зависеть—принять его en bloc или отвергнуть, т.-е. возобновить войну, что, конечно, невозможно после того, как Германия отказалась сама от всех своих военных преимуществ. То же самое будет повторено с Австрией, Венгрией (отделение которой от Австрии державы признали с самого начала), Болгарией и Турцией.

Германия, равно, как и ее союзницы, должна была подчиниться этому новому условию.

II.

Парижская конференция.

Ее состав. — Взаимные отношения держав к ней. — Ход совещаний. — Роль Вильсона. — Заключение Версальского мирного договора. — Другие мирные договоры. — Ратификация мирных договоров. — Отказ Соед. Штатов ратифицировать их. — Сепаратный мир, заключенный Соединенными Штатами.

Парижский конгресс, или, как его обыкновенно называют, парижская конференция 1919 г., должен остаться в истории, как одно из самых важных когда-либо собиравшихся международных политических совещаний ¹⁾. Во всяком случае ни одна дипломатическая конференция, ни один конгресс после Венского конгресса 1815 г. не может выдержать с нею и отдаленного сравнения. Но с Венским конгрессом у нее не трудно отметить некоторые черты сходства, рядом, однако, с очень существенными чертами отличия.

И Венский конгресс 1815 г., и Парижская конференция 1919 г. собрались после продолжительных и упорных войн, охвативших и потрясших весь цивилизованный мир: задача обоих совещаний была установить заново международные отношения, совершенно потрясенные — в первом случае революционными и наполеоновскими войнами, во втором — великой мировой войной, — и поставить их на воз-

¹⁾ Установить различие между конгрессом и конференцией вообще очень трудно. Ф. Ф. Мартенс старается провести это отличие, причем отличительными признаками он признает следующее: 1) На конгрессах присутствуют или сами государи, или первые министры — и вообще, такие представители, которые имеют полномочия на заключение трактатов; напротив, в конференциях участвуют делегаты правительств, назначенные *ad hoc*, с решающим или совещательным голосом, редко министры и никогда государи. 2) Предметом обсуждения конгрессов являются вопросы, касающиеся жизненных интересов государств и целого международного союза; конференции обсуждают существующие обязательства и их истолковывают или же готовят решение какого-нибудь важного вопроса. По обоим этим основаниям парижский дипломатический съезд следовало бы признать конгрессом (если на нем не было государей, то в лице Вильсона был глава государства, а от других государств были по большей части премьеры и другие министры), и однако он сам себя назвал конференцией, и это наименование за ним установилось в литературе. Впрочем, Мартенс к своему различию конгрессов и конференций прибавляет замечание, что оно не может считаться безусловно установленным, и за некоторыми международными собраниями, которые имели характер и значение конгрессов, установилось название конференций (Мартенс. Международное право, т. I, изд. 2, Спб. 1887, стр. 226—227).

можно более прочную основу: в обоих случаях существовала мысль о вечном мире, и эта мысль руководила работой совещаний.

Но этого мало. Прежний порядок, как в 1815, так и в 1919 г., был ниспровергнут, новый еще не установлен. Поэтому Венский конгресс был не только дипломатическим совещанием; до некоторой степени, в течение некоторого времени, он был как бы международным правительством, и это правительство принимало практические меры, когда Наполеон покинул Эльбу. Таким же мировым правительством в зародышевом состоянии была и Парижская конференция; ей тоже приходилось вкратце принимать чисто практические меры, когда в конце января 1919 г. между двумя новосозданными государствами (Чехией и Польшей), участвовавшими в конференции, начались пограничные стычки, грозившие войной из-за Силезии, на которую претендовали оба, точно так же и тогда, когда Германия довела до сведения конференции, что ей грозит вымирание от голода, если английская блокада ее берегов не будет снята или, по крайней мере, ослаблена.

В соответствии с исключительной важностью своих задач, оба съезда,—и Венский конгресс, и Парижская конференция,—были особенно обширны по числу представленных на них держав. В Вене в 1815 г. съехались представители 90 государств, в Париже в 1919 г. только 27 (если Великобританию с колониями считать за одно государство, хотя колонии были тоже представлены); но в числе 90 государств, представленных в Вене, большинство составляли карликовые государства Германии, ни американских, ни азиатских государств там не было. Напротив, в Париже в 1919 г. были представлены все «пять частей света и—за исключением средней и восточной Европы и весьма немногих нейтральных государств—почти весь мир: кроме государств европейских, значительное число американских и азиатских, из Африки была Либерия, юг Африки, а также Австралия и Океания были представлены в составе великобританской делегации. Зато представительство в Париже было гораздо более односторонним: в Вене были победители и побежденные, здесь только победители, так называемые «союзные и присоединившиеся к ним державы»¹⁾; державы германской коалиции были исключены безусловно, Россия и государства, образовавшиеся из обломков развалившейся России, за исключением Польши,—тоже. Нейтральных держав (их, правда, вообще в эту войну было не много) тоже не было.

В связи с многочисленностью представленных держав, и Парижская конференция, подобно Венскому конгрессу, насчитывала це-

¹⁾ Les gouvernements (или puissances) alliés et associés. Пол *alliés*, союзники, разумеются европейские державы и Япония, заключившие условие о том, что они ни в каком случае не заключать сепаратного мира; под *associés*—Соед. Штаты и другие государства, этого условия не подписавшие. Великими державами, участвовавшими в войне и мирных переговорах, признаются Соед. Штаты, Великобритания, Франция, Италия, Япония; остальные—просто державы.

тые сотни съехавшихся на нее дипломатов; одна китайская— правда, самая многочисленная— делегация состояла из 90 человек. Впрочем, с самого начала было установлено, что на пленарных заседаниях конференции могут участвовать не более, чем по пяти делегатов от каждой великой державы (от Великобритании, кроме этого числа делегатов от метрополии, также делегаты от колоний) и по 1 делегату от держав средних и малых, в зависимости от их величины и участия в войне. Но независимо от числа своих делегатов, каждое государство имело только один решающий голос; Великобритания со всеми своими колониями и Индией признавалась тоже за одно целое государство, хотя представители колоний, участвуя в прениях, нередко отстаивали самостоятельные, независимые от Великобритании, взгляды.

Вот перечень держав, участвовавших на конференции, с именами наиболее видных их представителей (размещаю державы в том порядке, в каком они перечислены в тексте выработанных на конференции трактатов; сперва, в алфавитном порядке французских наименований, идут 5 великих держав, потом, тоже во французском алфавитном порядке, 22 державы не великие).

Американские Соединенные Штаты. Во главе делегации стоял сам президент Вудро Вильсон, лично на нее явившийся в сопровождении статс-секретаря по иностранным делам Р. Лансинга, вождя рабочих союзов Гомперса и некоторых других лиц.

Соединенное королевство Великобритании и Ирландии. От него: премьер Ллойд Джордж, министр иностранных дел Бальфур, лидер палаты общин Бонар Лоу, министр без портфеля Дж. Н. Бернс (Barnes).

Канада (Борден, премьер)

Австралия (Гюге, премьер)

Южно-Африканский Союз (генерал Л. Бота, премьер)¹⁾

Новая Зеландия (В. Ф. Массей, премьер)

Индийская империя (статс-секретарь по делам Индии Самюэль Монтэгю, помощник статс-секретаря лорд Синга, индус, вождь индусских националистов)

Франция (Клемансо, премьер, Пишон, министр иностранных дел, Гарнье, Буржуа)

Италия (Орландо, премьер, барон Соннино, министр иностранных дел, А. Саландра)

Япония (маркиз Сайони, барон Макино)

Бельгия (Гиманс, министр иностранных дел, Вандервельде, министр юстиции).

Боливия

Бразилия

Китай (Лу Дзен Тсианг, Веллингтон Коо)

¹⁾ Это тот самый Бота, который во время южно-африканской войны 1899—1902 г.г. после смерти генерала Жубера (1900) командовал войсками Трансваала против англичан; после образования Южно-Африканского Союза был в нем (с 1900) премьером. Умер в августе 1919 г.

Куба
Эквадор
Греция (Венизелос, премьер, Политис, министр иностранных дел)

Гватемала

Гаити

Геджаз (или Хиджаз, бывший турецкий вилайет, теперь государство в Аравии, северная часть побережья Красного моря; представитель его Рустем Гайдар)

Гондурас

Либерия

Никарагуа

Панама

Перу

Польша (Роман Дмовский)

Португалия

Румыния (Братиано, премьер)

Сербо-Хорватско-Словенское государство (такое официальное, в это время уже признанное, имя приняла Сербия; неофициально она обыкновенно называется Юго-Славией; в состав ее делегации входили премьер Пашич, бывший сербский посланник в Париже Веснич и революционный деятель австрийских сербских земель Трумбич)

Сиам

Чехо-Словацкая республика (Крамарж, премьер, Бенеш, министр иностранных дел)

Уругвай ¹⁾

Как видим, на конференции участвовали и только что возникшие государства, официально признанные Антантой, но в действительности государствами в то время еще не бывшие (Польша, Чехо-Словакия, Геджаз), и государства, участие которых в войне было чисто фиктивное (средне-американские государства Никарагуа, Панама, Гватемала, Гондурас, южно-американские Перу и Боливия, азиатский Сиам, маленькая негритянская республика в Африке Либерия и др. (Резко отличало Парижскую конференцию от всех прежних конгрессов участие в ней, во первых, китайцев и индусов, а во вторых — социалистов (бельгийца Вандервельде, англичанина Бэрнса. ²⁾ американца Гомперса).

Прения на конференции, которые, по программе Вильсона, должны были вестись открыто, в действительности велись при закрытых

¹⁾ В составе делегаций от многих государств во время заседаний конференции по временам происходили перемены; так, в июне 1919 г. в Италии произошел министерский кризис; министерство Орландо вышло в отставку, и, вместе с ним изменился и состав делегаций. Вильсон и Лансинг в июне месяце, тотчас после подписания первого трактата (Версальского мира с Германией), уехали в Америку и в последующих переговорах участия не принимали; они были заменены другими лицами. Леон Буржуа участвовал в прениях только в первые месяцы и даже Версальского мира не подписал.

²⁾ Не следует смешивать с известным Дж. Бернсом (Burnes).

дверях, и хотя об их содержании пресса оповещалась довольно широко, однако все же далеко не вполне, и многие весьма существенные пункты мирного договора Германия узнала только в тот день, когда он был вручен ей официально.

Характерной чертой прений Парижской конференции было влияние общих отвлеченных принципов, и в этом отношении Парижская конференция сильно напоминает Венский конгресс, тогда как на остальных конгрессах для общих принципов, для громкой и блестящей фразы нередко отводились особые торжественные собрания или банкеты при открытии или закрытии, но самые совещания носили обыкновенно деловой, сухой, строго формальный характер¹⁾.

В Париже особенно охотно брал на себя обязанность говорить громкие фразы Вильсон, но ему нередко вторили и другие члены конференции, в особенности французы (Клемансо, Буржуа, также Пуанкаре, открывший конференцию), хотя едва ли часто фразы о справедливости, общем благе, дружбе и братстве народов так явно противоречили действительности, как на этот раз.

Необходимо отметить, что, несмотря на широту задач, возложенных на Парижскую конференцию, она была в то время не единственным общим органом, ведавшим дела войны и мира. Рядом с конференцией сохранял свое существование Верховный Совет, образовавшийся еще во время активных действий, имевший тогда задачей верховное руководство ими; теперь он заседал в Париже и обратился как бы в исполнительный или подобный орган при конференции. Кроме того, в г. Спа (в Бельгии) заседала комиссия по перемирию. Эта комиссия еще 11 ноября 1918 г. заключила перемирие с Германией и потом она же возобновляла его на новые и новые сроки. В противоположность Парижской конференции и Верховному Совету, в которых участвовали только державы антигерманской коалиции, в комиссии в Спа были представлены также и Германия с ее союзниками.

Первое пленарное заседание Парижской конференции открыл в большом зале министерства иностранных дел в Париже на Quai d'Orsay президент Французской республики Пуанкаре в субботу,

¹⁾ Интересно вспомнить, о том тоне, который господствовал на банкете, устроенном в Бухаресте после подписания мира (28 июля—10 августа 1913 г.) между балканскими державами после второй балканской войны 1913 г. Особенно характерна речь короля румынского Карла, в которой он сказал между прочим:

«Бухарестский мир прекратил войну между народами, которым судьбою предназначено жить между собою в согласии. Этот мир открывает новую эру взаимного доверия и благоденствия на Балканском полуострове... Через немного лет наши страны пожнут плоды своих усилий и своей мудрости».

Представители Болгарии и Сербии, участвовавшие на этом банкете, сумели сохранить серьезное выражение лиц слушая новое для них сообщение, что их странам самою судьбою предназначено жить между собою в согласии. Было бы любопытно знать, вспоминал ли, если не сам высокий оратор (он умер 11 октября 1914 г.), то его слушатели об этой речи после начала мировой войны.

18 января 1919 г. — в 48-ю годовщину основания в Версале Германской империи. В короткой речи он изложил в общих чертах историю вступления в войну ее участников и сказал, что всеми ими руководило стремление к справедливости. Вслед затем он объявил конференцию открытой. Вильсон предложил избрать президентом конференции Клемансо, и это предложение, поддержанное Ллойдом Джорджем и Соннино, было принято единодушно. Клемансо в короткой речи поблагодарил конференцию и сказал, что успех конференции возможен только в том случае, если ее участники будут единодушны.

«Мы сошлись сюда, как друзья, и пойдем по дороге мира, как братья. Мы, собравшиеся здесь, составляем Лигу Наций, и наша задача — сделать из нее живое тело: ради нее мы готовы на всяческие жертвы. Мир, который мы должны заключить, есть мир народов». Затем конференция окончательно конституировалась и приступила к занятиям.

В отличие от прежних конгрессов, на которых безраздельно господствовал французский язык, на Парижской конференции на равных началах допускались языки французский и английский: речи, произнесенные на одном из этих языков, немедленно переводились переводчиками на другой. В соответствии с этим и мирные договоры, выработанные на конференции, были составлены на обоих языках, причем оба текста (английский и французский) признаются одинаково аутентичными (статья 440 Версальского договора с Германией). Договоры не предусматривают, как быть в том случае, если между ними окажется разногласие. В этом факте можно видеть некоторую деградацию французского языка и симптом усиления англосаксонского мира.

Так как на конференции были представлены только союзные державы, то можно было бы ожидать большого единодушия. В действительности, однако, разногласий было не мало: лишь немногие вопросы проходили совсем гладко: по временам отношения между союзниками сильно обострялись, и один раз итальянские делегаты даже вовсе покинули конференцию и уехали из Парижа, грозя больше туда не возвращаться. Через десять дней, однако, они вернулись.

Прежде всего конференция, по предложению Вильсона, Буржуа и Орландо, приступила к выработке устава Лиги Наций, создание которой, как надеялись ее творцы, должно было установить на земле вечный мир. Как раз, однако, во время обсуждения этого устава, несколько раз очень остро сказались противоречия между интересами представленных на конференции держав.

Так, уже на втором пленарном заседании конференции, при избрании комиссии для разработки устава Лиги Наций, представитель Бельгии Гиманс заявил протест против того, что все дело конференции ведется по существу только представителями великих держав, которые вытеснили малые державы из всех комиссий. Протест был поддержан представителями Бразилии, Юго-Славии, Греции, Португалии, Чехо-Словакии, Польши и даже Канады, которая, по-

видимому, чувствовала себя стесненной в рамках великобританской делегации. От имени великих держав им ответил председатель конференции Клемансо, что великие державы могли бы заключить мир одни, без всякого участия малых, но они предпочли призвать всех на конференцию; где будут выслушаны все желания и мнения самых маленьких держав.

Под влиянием ли протеста или независимо от него, но во всех комиссиях, избранных конференцией, кроме представителей 5 великих держав, участвовало также по несколько представителей держав малых.

14 февраля Вильсон, как докладчик комиссии, представил на пленарном заседании конференции устав или договор о Лиге Наций (League of Nations Covenant).

«Лига Наций, сказал Вильсон, имеет своей задачей не только охранять мир, но содействовать более тесному сотрудничеству наций в деле экономического преуспевания. Этим документом сила побеждена: отныне народы могут жить в дружбе, как члены одной семьи, а скоро и как братья».

Затем Лиге Наций было посвящено несколько пленарных заседаний. В прениях особенно деятельно участвовали Вильсон и Л. Буржуа, но выступали с замечаниями и поправками и другие, в том числе барон Макино (Япония), Веллингтон Коо (Китай), Рустан Гайдар (Геджас). Наиболее острое столкновение интересов и убеждений произошло 28 апреля 1919 г., когда барон Макино предложил включить в устав Лиги Наций постановление о признании полного равноправия всех человеческих рас и национальностей. Этим своим предложением представитель Японии, сейчас же поддержанный представителем Китая, имел в виду добиться допущения иммиграции в Америку и Австралию людей желтой расы на равных началах с другими иностранцами. Предложение логически вытекало из принципа равенства народов, многократно провозглашавшегося Вильсоном, безусловно признаваемого конференцией для всех народов белой расы и включенного в мирные договоры с Германией, Австрией и Венгрией в форме постановлений об охране в этих странах национальных меньшинств. И однако предложение барона Макино вооружило против себя—прежде всего Вильсона, а за ним представителей Австралии и Канады. После острых прений оно, в интересах общего согласия, было взято назад самим инициатором. Таковое было достигнуто, и 28 апреля 1919 г. устав или договор о Лиге Наций был принят единогласно. Позднее текст его был дословно включен в мирные договоры, причем Вильсон особенно горячо настаивал на его включении, тогда как французы склонялись к совершенному отделению договора о Лиге Наций от мирных договоров.

В те же месяцы, когда обсуждался договор о Лиге Наций, продолжалось обсуждение и других вопросов. В середине февраля 1919 г. произошло очень резкое столкновение между делегациями сербской (югославянской) и итальянской. Италия, основываясь на договоре между Англией, Францией и Россией, с одной стороны, и Италией—с

другой, заключенном в Лондоне весной 1915 г., на основе которого Италия вступила в войну, требовала себе северную Далмацию с городами Зара и Спалато. Сербы возражали, что на Далмацию, насчитывающую среди своего населения не менее 97% сербов и хорватов и не более 2½% итальянцев, может иметь право только Сербо-Хорватско-Словенское государство.

Спор не был улажен сразу и поднимался несколько раз. Вопрос для конференции был действительно очень трудный: с одной стороны, формально данное обязательство, с другой—национальный принцип. Из-за нарушения Германией обязательства по отношению к Бельгии в свое время объявила ей войну Англия. Каким же образом та же Англия нарушит свое собственное обязательство по отношению к Италии? А с другой стороны—как быть с принципом национальностей, с правом народов на самоопределение? Между тем, все это было постоянно на устах участников конференции. Сербы предлагали передать спорный вопрос на третейский суд Вильсона. Но для итальянцев не были секретом взгляды на далматинский вопрос Вильсона, который не был связан Лондонским договором 1915 г., так как Соед. Штаты в нем не участвовали. Поэтому итальянцы на подобное предложение не шли, предпочитая апеллировать к конференции в целом. Однако и ее настроение понемногу склонялось на сторону сербов. В самих Франции и Англии, чьи правительства подписали лондонский договор, пресса по большей части отстаивала национальное право сербов, и ее голос не мог не оказывать влияния на делегации этих стран. Делались попытки примирить Италию с потерей Далмации, предлагая ей Фиуме, о котором в Лондонском договоре не было упомянуто. Но Италия на это не соглашалась, настаивая на плебисците в Фиуме и решительно не допуская его в Далмации, где неблагоприятный для нее его исход не мог подлежать сомнению.

Спор продолжался более двух месяцев и особенно обострился в конце апреля, 23 апреля. В этот же день Вильсон опубликовал во всеобщее сведение подробно мотивированное заявление в пользу Сербии.

Со времени заключения Лондонского договора,—говорилось в нем,—договора, имеющего силу частного соглашения, в войну вступил целый ряд держав, которые в этом договоре не участвовали и даже о нем не знали; для них, следовательно, оно не обязательно. Но главное, с этого времени все положение Европы радикально переменялось. Австро-Венгерская монархия прекратила свое существование; война окончилась перемирием, заключенным на основе совершенно ясно выраженных принципов, которые должны установить новый порядок права и справедливости. Эти принципы должны быть применены везде—на Балканах так же, как и в Германии. С точки зрения этих принципов, Фиуме должно служить портом не для Италии, а для стран, лежащих к северу и к востоку от него—Венгрии, Богемии, Румынии, Юго-Славии—и по этой именно причине Лондонский договор не отдал его Италии. Что же касается Далмации, то Лондонский договор отдавал часть этой провинции Италии исключительно по стратегическим соображениям, чтобы охранить Италию от возможного в будущем нападения со стороны Австро-Венгрии. Но раз Австро-Венгрия более не существует, то интерес Италии состоит теперь не в том, чтобы предохранить себя от нападения со стороны не существующей больше Австро-Вен-

грии, а в том, чтобы создать дружественные отношения со всеми соседними государствами; поэтому постановление Лондонского договора теряет по отношению к Далмации свою силу.

Ответ итальянской делегации в тот же день, 23 апреля 1919 г., был краток и решителен и вместе с тем неожидан:

В виду декларации президента Вильсона по Адриатическому вопросу, итальянская делегация решила завтра покинуть Париж.

И угроза была исполнена, несмотря на все примирительные попытки Ллойд-Джорджа и Клемансо. Перед отъездом итальянская делегация опубликовала протест против выступления Вильсона.

В Италии поведение Орlando и его товарищей встретило почти единодушную поддержку всех партий, за исключением социалистов, и то не всех. Еще до открытия Парижской конференции, в декабре 1918 г., министр военной промышленности в кабинете Орlando, социалист Биссолати, подал в отставку, в виде протеста против излишне, по его мнению, империалистской политики кабинета; по его мнению, высказанному в речи в палате депутатов, в которой он мотивировал свою отставку, Италия должна отказаться от сербской Далмации в пользу Югославии, от греческого Додеканеза в пользу Греции и не настаивать на Тироле до Бреннера; по Фиуме, как город итальянский, должен быть отдан Италии. После отставки Биссолати кабинет Орlando был преобразован (17 января 1919 г.) и стал более однородным, в особенности по вопросам иностранной политики.

29 апреля Орlando и Соннино давали в палате объяснение своего поведения на конференции, и палата выразила им свое полное доверие большинством 382 против 40 голосов. В меньшинстве голосовала социалистическая партия. Население Рима было настолько возбуждено против союзных держав, что к зданиям американского, английского и французского посольств пришлось поставить особую военную охрану, чтобы предупредить возможные эксцессы.

Абсентеизм итальянской делегации продолжался, однако, не более двух недель. 4 мая президиум Парижской конференции обратился к ней с приглашением вернуться в Париж, и уже 5 мая стало известно решение итальянского правительства последовать этому приглашению, хотя державы ни на какие уступки не пошли, и Италии пришлось примириться с тем, что Парижская конференция оставила открытым вопрос относительно Фиуме и Далмации. А между тем как раз во время отсутствия итальянской делегации было закончено обсуждение устава Лиги Наций и текста мирного договора с Германией и даже самое вручение ей текста мира.

Германская делегация прибыла во Францию еще в конце апреля. Во главе ее стоял министр иностранных дел (в кабинете Шейдемана) граф Брокдорф Рантцау; членами ее были министр без портфеля Давид (социал-демократ), министр почт и телеграфов Гисберте (клерикал) и др.

7 мая в Версале, во дворце Трианон, состоялся прием германской делегации. Клемансо, как президент конференции, вручил немцам текст мирного договора.

Народы, сказал он при этом, оплатили мир слишком дорогой ценой, чтобы не принять всех возможных мер для предотвращения новой бойни. Вы можете ознакомиться с текстом договора и в 15-дневный срок сделать письменно свои замечания; конференция их рассмотрит и на каждое замечание даст свой ответ.

Этим окончилась краткая, сухая и холодная речь Клемансо. Ему от имени германской делегации отвечал гр. Брокдорф Рантцау. Его речь была длиннее и взывала к чувству.

Мы не делали себе иллюзий, — сказал он, — относительно размеров нашего поражения; наша военная сила сломлена, — мы это знаем. Мы знаем также силу той ненависти, которую мы внушили к себе. От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны. Но подобное признание было бы ложью. Мы не отрицаем своей ответственности за нее; мы признаем, что прежнее германское правительство в роковые 12 июльских дней 1914 г. сильно содействовало началу войны, но мы энергично отрицаем то, чтобы германский народ, который был убежден в оборонительном характере войны, был единственным ее виновником.

Затем Брокдорф сослался на империализм держав и на некоторые частные факты, — убийство австрийского наследника и др., — как на причины, сделавшие войну неизбежной. Он признал преступления, совершенные Германией против Бельгии, признал ряд преступлений против права войны, — но настаивал на том, что не одна Германия их совершала. Блокада германских берегов, продолжающаяся после заключения перемирия, приведшая к голодной смерти тысяч людей, не участвовавших в военных действиях, — разве она не была преступлением?

Этотую речью закончилась процедура вручения текста мира. На следующий день он был опубликован во всеобщее сведение.

На Германию мир произвел прямо ошеломляющее впечатление. Как ни была она подготовлена к тому, что победители не намерены строго держаться 14 вильсоновских пунктов, как ни много она уже знала о мире заранее из доводившихся до печати сведений о ходе занятий конференции, — но все-таки многие очень существенные пункты мира были для нее совершенно новы. В стране увидели в договоре прямо смертельный удар по Германии: ослабленная территориальными потерями, говорили в ней, она не вынесет тех экономических тягот, которые наложены на нее миром, и погибнет. Тем не менее, об активном сопротивлении, о возобновлении войны не было речи. Речь шла только о том, чтобы убедить союзников в несправедливости мира, в несоответствии его обещанной вильсоновской программе, чтобы упросить их смягчить условия мира и не добивать и без того гибнущую Германию. В таком духе были составлены замечания германской делегации, врученные представителям Антанты 30 мая (первоначальный 2-х недельный срок был продлен).

16 июня конференция передала германской делегации свой ответ на ее замечания. На большую часть немецких возражений и встречных предложений в этом ответе имеется короткий и сухой, иногда мотивированный, иногда даже немотивированный отказ, и только весьма немногие, по преимуществу второстепенные замечания дали повод

для конференции изменить соответственные постановления договора. Важнейшее изменение, принятое конференцией, касалось Верхней Силезии, которая по первоначальному проекту должна была перейти к Польше безусловно, а по проекту измененному—лишь на основании плебисцита. За то была сохранена в неизменном виде статья 231, крайне оскорбительная для немецкого самолюбия, которая не только признавала германскую коалицию единственной виновницей войны, но требовала формального признания ее в этом («союзные правительства признают Германию и ее союзниц ответственными,—и Германия согласна с этим,—за весь ущерб . . . войны, вызванной нападением Германии и ее союзниц»). Теперь уже конференция требовала от Германии признания *en bloc* мирного договора в его окончательной форме, и притом не более, чем в 5-ти дневный срок; в противном случае она угрожала возобновлением военных действий.

Настроение в Германии было удрученное; однако, значительное большинство политических деятелей и партий сознавало необходимость подписать мир, каков бы он ни был; только консерваторы были против, хотя и они не помышляли о вооруженном сопротивлении неприятелю; они настаивали на том, что лучше предоставить Антанте оккупировать Германию и управлять ею, чем взять на себя ответственность за подписание позорного акта. Возможно, конечно, что и они это говорили с желанием и уверенностью, что останутся в ничтожном меньшинстве и что без всякого для себя риска они одни сохраняют благородную позицию единственных борцов за честь и достоинство родины.

Так и случилось: мир в Учредительном Собрании был принят значительным большинством голосов. Однако, Шейдеман не пожелал подписать его и вышел в отставку. Это сделал новый кабинет, тоже коалиционный (из социал-демократов, клерикалов и демократов), под председательством Бауера (социал-демократа). Во Францию была послана новая делегация во главе с Мюллером, новым министром иностранных дел.

Заключительная сцена произошла опять-таки в Версале, в Трианоне, 28 июня. Со стороны антигерманской коалиции присутствовали представители всех держав, за исключением Китая, который подписать мир отказался.

Со стороны Германии присутствовала ее делегация.

В этот день подписано всего шесть документов.

1) Мир с Германией, называемый Версальским миром и 2) протокол; эти два документа подписаны всеми 26 державами, участвовавшими в конференции (крме Китая), и Германией; 3) соглашение, касающееся Рейна, подписанное 5-ю великими державами и Германией; 4) специальный договор, касающийся Польши, подписанный 5-ю великими державами, Польшей и Германией. Речей произнесено не было.

В тот же день Вильсон и Ллойд Джордж подписали два отдельных, но совершенно одинаковых по содержанию соглашения с Фран-

цией, в силу которых Соединенные Штаты и Великобритания обязуются прийти на помощь Франции в случае нового нападения на нее со стороны Германии.

Через несколько времени после этого было опубликовано несколько соглашений относительно раздела внеевропейских владений Германии, о которых в самом тексте мира было сказано только то, что Германия отказывается от них в пользу великих держав (без более точного указания, ст. 119).

Причина, по которой Китай отказался подписать мир, состояла в следующем.

В 1898 г. Германия, в виде компенсации за убийство в Китае двух немецких миссионеров, захватила китайский город Киао Чау (иначе читается Дзяо Джау) и часть Шантунгского полуострова. В самом начале великой войны Япония без большого труда заняла этот город и владела им до Парижской конференции. Между тем, Китай настоятельно требовал возвращения ему его исконного владения; Япония, напротив, решительно не желала его возвращать. Притязания Китая поддерживали Соед. Штаты; Великобритания и Франция стояли на стороне Японии. В конце концов, Соед. Штаты уступили, и по мирному договору Киао Чау оставался в японской власти. Это вызвало сильнейшее раздражение в Китае: начался бойкот японских банков, магазинов, пароходных компаний и т. д.; Соед.-Штаты стали там в высшей степени популярны. Под влиянием этого возбуждения, Китай решил мирного договора не подписывать, хотя длить войну он не имел никакого желания. Поэтому в августе того же 1919 г. китайский парламент принял закон, в силу которого состояние войны с Германией объявлено прекращенным без особого мирного договора.

В промежуток между 7 мая, когда первоначальный текст мира был вручен германской делегации, и 28 июня, когда он был подписан, Парижская конференция продолжала свою работу, разрабатывая преимущественно мирный договор с Австрией. Он был закончен уже в мае. Под Австрией здесь не следует разуметь ни бывшую Австро-Венгрию, ни даже бывшую Австрийскую империю: нет, Венгрия, Чехо-Словакия и австрийская Польша отделились еще в 1918 г. революционным путем, и сильно суженная Австрия вела уже существование отдельной республики. Все-таки она сохраняла еще в то время и южную часть Тироля, и Триест, и Далмацию, и другие земли, которые ей вкоре после этого, по мирному договору, пришлось отдать Италии или Юго-Славии.

Главой австрийской делегации был тогдашний канцлер австрийской республики, д-р Реннер ¹⁾. 2 июня состоялось, на этот раз

¹⁾ Один из видных деятелей австрийской социал-демократии; он может считаться родоначальником того направления в социал-демократии, которое рядом с классовой борьбой признает значение национальности, как самостоятельного фактора в истории. Под псевдонимами Синоптикуса и Шпрингера Реннер написал ряд замечательных произведений по национальному вопросу, из которых некоторые переведены и на русский язык.

в Сен Жермене, вручение ей текста мирного договора. Клемансо при этом опять произнес очень короткую, сухую речь, на которую Реннер отвечал более обстоятельно. Он сказал между прочим, что несправедливо маленькую Австрийскую республику считать единственной наследницей большой Австрийской империи и возлагать на нее одну обязательства, которые должны бы падать на эту последнюю. Австрии, как за месяц перед тем Германии, был предоставлен известный срок для представления своих замечаний.

Австрийская делегация обратила в них главное внимание на возложенные на Австрию экономические обязательства и заявила, что эти обязательства в своем первоначальном виде решительно не по силам ослабленному и обнищавшему государству. Замечания австрийцев были приняты во внимание конференцией, и требования, предъявленные Австрии, в окончательном тексте мира, врученном 20 июля, несколько смягчены. Окончательное подписание мира, однако, затянулось и состоялось только 10 сентября, в Сен Жермене. Мир подписан всеми 27-ю державами (в том числе и Китаем) и Австрией. В тот же день были подписаны также соглашения, заключенные пятью великими державами с Чехо-Словакией, Сербо-Хорватско-Словенским государством (обыкновенно называемым Юго-Славией) и некоторые другие.

Еще до подписания Сен Жерменского мира, в июле того же 1919 г., был готов текст мира с Болгарией. 26 июля прибыла в Париж болгарская делегация с болгарским премьером Стамбулийским во главе, и мирный договор вручен ей в самом Париже, в здании министерства иностранных дел. Для замечаний ей был дан особенно долгий срок—до 19 сентября. Мир подписан 27 ноября в Нелви.

Затем произошла значительная пауза. Парижская конференция собиралась редко, и наконец и вовсе перестала собираться. А между тем мирные договоры с Венгрией и Турцией, хотя и намеченные в общих чертах, не были еще выработаны. Задача их выработки легла на Верховный военный совет, который, наконец, и исполнил ее. 4 июня 1920 г. в Версале подписан мир с Венгрией (ему, однако, присвоено название не Версальского, а Трианонского). Подобно миру австрийскому, он лишил Венгрию двух третей ее владений и, помимо контрибуции, возлагал на уменьшенное таким образом в три раза государство все государственные долги бывшего Венгерского королевства, заключенные во время войны.

Одновременно с миром венгерским выработывался Верховным Советом мир с Турцией. 11 мая 1920 г. он вручен в Париже турецкой делегации, во главе которой стоял Тевфик-паша. Мир этот лишил Турцию ее последних владений в Европе, сохраняя за нею только Константинополь с ближайшими окрестностями; в Азии он оставил за нею только Малую Азию, и то не всю, и отнимал Месопотамию, Армению, Сирию и Аравию. Тем не менее, турецкое правительство готово было принять и подписать всякий мир,—и этот, следовательно, в том числе.

В конце июня турецкая делегация представила Верховному Совету

свои возражения против мира. Она заявляла, что участие Турции в войне было делом младотурецкого комитета Единение и Прогресс, а не турецкого народа, который в ней не повинен. Она протестовала против отнятия у Турции Фракии и Смирнинского вилайета и против предполагавшегося первоначальным мирным договором состава международной комиссии по управлению Босфорским и Дарданельским проливами, в которой даже не было представителя Турции. Верховный Совет согласился с этим последним указанием, и состав комиссии был соответственным образом пополнен. Остальные требования турецкой делегации были по большей части отвергнуты. В своем ответе на замечания турецкой делегации Верховный Совет настаивал на виновности Турции в ничем не вызванном вступлении в войну и на жестокости, проявленной турками; он указывал на резню, произведенную в Армении, во время которой убито до 800.000 человек, в том числе женщин и детей.

27 июля 1920 г. Турция сообщила о своей готовности подписать мир. Но Греция, приглашенная сделать то же, отказалась, пока не получит группы островов, известной под именем Додеканеза, занятой Италией.

Через несколько дней, однако, состоялось отдельное соглашение между Италией и Грецией, по которому Греция получала Додеканез, за исключением Родоса. После этого, 10 августа 1920 г., в Севре был подписан мир с Турцией. Подписали его четыре великие державы (без Соединенных Штатов), Греция, Румыния, Бельгия, Польша, Чехо-Словакия, Португалия, а также Армения с одной стороны и Турция — с другой. Юго-Славия подписать его отказалась, не соглашаясь взять на себя долю турецкого долга, приходящегося на приобретенные ею от Турции территории. В тот же день в том же Севре подписано и греко-итальянское соглашение.

Мирные договоры оставляли много не вырешенного. Не вырешенной оставалась и судьба города Фиуме. Венгрия, по Трианонскому договору, теряла на него все свои права в пользу союзных держав, но кому именно из них должен был достаться этот порт, очень привлекательный для обеих соседних держав; — об этом в тексте договора не говорилось. Между тем, еще задолго до его подписания, в то время, когда на Парижской конференции велись из-за него острые споры между Юго-Славией и Италией, произошло важное событие, еще более запутавшее вопрос.

В сентябре 1919 г. известный итальянский поэт д'Аннунцио с набраванным им отрядом волонтеров неожиданно занял город и провозгласил его присоединение к Италии. Во главе итальянского кабинета в это время стоял уже Нитти, так как неудача Орlando в Париже привела 19 июня к его падению. Нитти и министр иностранных дел в его кабинете, Титтони, желали и добивались Фиуме и Далмации не менее страстно, чем Орlando и Соннино. Но так как Италия все же входила в состав Антанты и не желала вторично покидать своего места на Парижской конференции, то официально министерство Нитти не могло обнаружить своей солидарности с

д'Аннунцио и приказало ему очистить спорный город. Аннунцио не подчинился и остался во главе управления Фиуме, который таким образом оказался на положении отдельного вольного города, жившего самостоятельной политической жизнью, но явно тяготевшего к Италии.

Юго-Славия, однако, противилась их соединению. Наконец, 12 ноября 1920 г. в г. Рапалло (близ Генуи) было заключено и подписано специальное соглашение между Юго-Славией и Италией, по которому Юго-Славия уступила почти по всем пунктам, хотя и Италия не получила полного торжества. Фиуме признан навсегда самостоятельным вольным городом, но острова, господствующие над входом в залив, на берегу которого стоит этот город, отданы Италии; Италия же получила Сев. Далмацию с г. Зарой, однако, в границах более узких, чем она претендовала, опираясь на Лондонский договор 26 апреля 1915 года.

Было заключено еще несколько сепаратных договоров—о разделе африканских владений, отнятых у Германии, о мандатах на управление разными азиатскими владениями Турции (Сирией, Палестиной, Месопотамией) и др.

Мы видели, что эти мирные договоры были приняты далеко не единодушно даже державами-победительницами. Китай так и не подписал мира с Германией, Юго-Славия — с Турцией, Соединенные Штаты—с Венгрией и Турцией.

За подписанием мирного договора должна последовать его ратификация, т.-е. утверждение главой государства. В прежнее время далеко не во всех государствах для ратификации договора было обязательно согласие парламента, в большинстве же случаев договор прямо восходил на утверждение монарха, который и подписывал его (конечно, с согласия ответственного министерства). Поэтому, раз мир был подписан, ратификация его была простой формальностью; в ней почти не могло быть сомнений. Нынче, однако, повсеместно было решено, что договоры пойдут на утверждение парламентам.

В побежденных странах мирные договоры вызвали горькое осуждение и горькие жалобы; тем не менее, везде значительным большинством голосов было постановлено их ратифицировать. Более других сомнений высказывалось в Венгрии, но и в ней в конце концов мир был признан и ратифицирован.

В парламентах стран-победительниц мирные договоры тоже вызвали кое-какую критику с разных точек зрения, но, тем не менее, в конце концов почти везде они были ратифицированы.

Однако, есть несколько исключений, из которых одно очень важное.

В Соединенных Штатах собственное детище их президента—Лига Наций—вызвало очень серьезное недовольство. Из двух главных политических партий, спорящих за власть, даже в демократической, из среды которой вышел Вильсон, далеко не все разделяли его увлечение идеей такого общения между народами, которое налагает обязательство вступать в войну иногда из-за совершенно чуждых интересов,

по постановлению организации, в которой голос Соединенных Штатов может быть совершенно заглушен голосами нескольких мелких государств; республиканская же партия была почти поголовно против Лиги Наций. Кроме того, в уставе Лиги Наций вызвал сильное недовольство пункт, предоставляющий великобританским владениям (Канаде и другим) самостоятельный голос, благодаря чему Великобритания в пленарных заседаниях Лиги пользовалась шестью голосами, тогда как все остальные державы, и Соединенные Штаты в том числе, располагали каждая только по одному; между тем, на Великобританию; говорили в Америке, мы не можем смотреть иначе, как на единое государство.

Аналогичное возражение делалось и против частного соглашения с Францией, подписанного Соединенными Штатами: ведь оно тоже может заставлять Штаты вступить в войну за совершенно чуждые им интересы.

Вильсон уехал в Америку из Парижа тотчас после подписания мира с Германией и прибыл туда 8 июля 1919 г. Уже через два дня он внес мирный договор в сенат для ратификации. Обыкновенно договоры либо ратификуются *en bloc*, либо отвергаются. На этот раз сенат приступил к рассмотрению его по пунктам: было предложено большое число оговорок, и 15 из них были приняты; важнейшая из них гласит, что Соединенные Штаты не берут на себя обязательства гарантировать территориальную неприкосновенность или независимость какой бы то ни было иностранной державы и не обязуются начинать войну в силу какого бы то ни было постановления Лиги Наций, если только этого не постановит конгресс Соединенных Штатов, обсудив дело в каждом отдельном случае. Другая важная поправка заранее отвергала все постановления собраний Лиги Наций, на которых какую бы то ни было державою будет подано несколько голосов. Напротив, поправка, настаивавшая на возвращении Киао-Чау Китаю, была отвергнута, хотя и собрала за себя значительное число голосов.

Затем 19 ноября 1919 г. было поставлено на голосование предложение ратификовать мирный договор с 15-ью принятыми оговорками (*reservations*), но отвергнуто большинством 51 против 41 голоса. В большинстве, т. е. против ратификации, голосовала вся демократическая партия, которая была против оговорок, и небольшая часть республиканской, которая была безусловно против ратификации мирного договора в каком бы то ни было виде, даже с оговорками, в сущности, сводившими его на нет. Демократы действовали в данном случае в полном согласии с Вильсоном, который написал их лидеру в сенате, что принятие договора с такими оговорками было бы не его ратификацией, а его нулификацией.

Таким образом, получилось парадоксальное явление: Соединенные Штаты отвергли мир, основные идеи которого были предложены ими, и с формальной точки зрения остались в состоянии войны с Германией, прерванной только перемирием, — войны, которой они возобновить не хотели, а Германия не могла. Вера в то, что война окон-

чена, несмотря на отказ в ратификации мира, была настолько глубока в самих Соединенных Штатах, что Штаты продолжали увозить свои войска из Европы. Размен пленных, однако, не производился, и многие другие неудобные стороны «состояния войны» продолжались еще целых два года. Только осенью 1921 г., уже при новом президенте Соединенных Штатов, республиканце Гардинге, сменившем Вильсона, был выработан и ратификован сепаратный мир между Штатами и Германией, положивший конец затянувшемуся перемирию, а затем и сепаратные мирные договоры с другими воевавшими державами. За исключением Лиги Наций, в остальном американские мирные договоры очень близки к Версальскому. По примеру Соединенных Штатов отказались ратифицировать мирные договоры Эквадор и Никарагуа, и они тоже значительно позднее (1921 г.) заключили сепаратные договоры с Германией, Австрией и другими странами.

Как мы видим, мирный договор, закончивший великую мировую войну, с формальной стороны не составляет единого акта: нет, с каждой из пяти держав, составлявших германскую коалицию (считая Австрию и Венгрию за две отдельные державы), заключен отдельный мирный договор; кроме того, заключено значительное число особых договоров, а всего в течение 1919—21 года было выработано, подписано и ратификовано свыше 60 отдельных политических договоров и соглашений, только в своей совокупности составляющих то, что можно было бы назвать мирным трактатом.

Соглашения эти в высшей степени разнообразны и по содержанию, и по способу и месту их заключения и подписания, и по числу подписавших их держав. Лишь немногие из них выработаны в Париже на общей конференции, и еще меньшее их число подписано в Версале. Версальским миром в точном смысле слова называется только один договор 26 союзных держав (из которых три, а именно: Соединенные Штаты, Эквадор и Никарагуа, отказались его ратифицировать) с Германией; другой мирный договор (с Венгрией), подписанный в том же Версале, официально называется Трианонским (хотя и первый подписан в том же Трианонском дворце). Другие договоры подписаны в других местах, а многие даже выработаны не в Париже, а в Лондоне, Рапалло и др. городах. Значительное большинство договоров — договоры сепаратные между двумя или несколькими державами.

Многие из этих договоров, даже взятые в отдельности, весьма обемисты: так Версальский договор с Германией заключает в себе 440 статей и занимает в английском издании ¹⁾ 205 страниц весьма убористого шрифта; в этот счет страниц не входит еще обемистый алфавитный указатель, в полном виде составляющий целый том. Тем более обемисты все они в совокупности, составляя целую библиотеку и в несколько раз превышая обем всех венских договоров 1815 г. Обширный обем явился результатом очень значительной

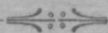
¹⁾ Указанное в предисловии издание: *The Treaty of Peace with Germany.*

обстоятельности, так как ни разу еще ни одна война не потрясала так глубоко все человечество, как на этот раз, и ни разу при заключении мира не приходилось так глубоко и широко захватывать самые разнообразные стороны жизни.

Тем не менее, редкий мирный договор оставлял столько неясного и недоговоренного. Недоговоренность сказывается не только в том, что он возлагает окончательное определение границ государств на различные международные комиссии, которые должны провести их в натуре по общим, не вполне точным указаниям текста трактата, — это делали всегда все мирные договоры; довольствуясь указаниями приблизительными. Нет, мирные договоры, составленные в Париже, часто не дают даже и таких приблизительных указаний. Так, они вовсе не устанавливают размеров контрибуции, а говорят так: так как ресурсы Германии и Австрии недостаточны, чтобы вознаградить за весь вред, причиненный ими, то Австрия заплатит ту сумму, которую можно «разумно с нее потребовать», и которая будет определена впоследствии особой репарационной комиссией. Вообще на репарационную комиссию, в которую входят представители держав-победительниц, возложено очень и очень многое такое, что в мирных трактатах не договорено.

Другая характерная черта мирных договоров — это всякие над ними общих отвлеченных принципов справедливости, международной морали и т. д.; соответственные фразы в них повторяются многократно; вообще дух Вильсона сказался на их форме в очень сильной степени. Этим духом проникнуто создание Лиги Наций; он лежит в основании предания суду императора Вильгельма по обвинению в посягательстве «на международную мораль и святость трактатов». Он продиктовал очень многие отдельные пункты договоров; примером может служить § 11 приложения 2-го к главе VIII Версальского мира, повторенный и в некоторых других договорах (напр. австрийском).

Репарационная комиссия в своих действиях «не связана никаким кодексом законов или правил, но руководствуется принципами правосудия, справедливости и добросовестности», — а между тем она составлена односторонним образом, в ней участвуют только представители победителей, и от нее, в сущности, зависит вся судьба Германии и других побежденных стран.

III.

Лига Наций.

Договор о Лиге Наций.—Его характер и содержание.—Ее состав.—Возникновение Лиги Наций.—Ее деятельность в 1920 году.

Лига Наций (League of Nations, по-французски—*Société des Nations*)—это явление новое в области международных отношений, хотя и имеющее свою аналогию в Священном Союзе 1815 г. Ее главная задача определяется в договоре о ней следующим образом:

«Высокие договаривающиеся державы, с целью обеспечить международное сотрудничество, мир и безопасность

посредством принятия обязательства не начинать войну,

посредством предписания открытых, справедливых и честных (*honourables*) отношений между нациями,

посредством установления твердых оснований международного права, как основы для поведения правительств в их взаимных отношениях,

посредством поддержания справедливости и скрупулезного уважения ко всем обязательствам, принятым на себя народами, приступают к образованию Лиги Наций».

Лига Наций должна с самого начала объединить все или почти все цивилизованные нации мира.—как Европы, так и других частей света; только державы, которые по признанию творцов Лиги Наций виновны в нарушении своих международных обязательств и не доказали еще своей готовности исполнять их в будущем; далее, государства не суверенные, еще не организовавшиеся и не признанные, наконец, государства полудивицизованные не были приглашены немедленно вступить в Лигу; но и эти державы, как надеялись творцы Лиги, рано или поздно в нее вступят, и тогда Лига охватит весь мир. И так как все члены Лиги обязуются все свои разногласия, грозящие войной, передавать на разрешение международного третейского суда или Совета Лиги, то войны действительно должны отойти в область истории. Само собою разумеется, при одном очень существенном условии: если члены Лиги в самом деле подчинятся этому требованию. На этом, очевидно, строили свои расчеты творцы Лиги Наций, и в первую голову Вильсон.

Но если какая-либо держава не согласится ни передать свой спор с другою на решение третейского суда, ни прибегнуть к

посредничеству Совета Лиги, или, сделав это, затем откажется подчиниться приговору первого или последовать советам второго? И как, наконец, избежать войны, если не все державы войдут в состав Лиги Наций, и за ее пределами останутся державы значительной военной силы?

Возможность того и другого, конечно, предвиделась творцами Лиги, и для предупреждения войны при наличии этих возможностей установлены следующие положения.

Лига Наций составляет тесную и дружную семью, объединенную общностью интересов, из которых главный—предупреждение войн. Поэтому всякое военное посягательство, направленное на одного члена, признается посягательством на всех, и все должны на деле показать свою солидарность с одним, явившимся жертвою такого посягательства.

Если виновным в посягательстве оказывается член Лиги, нарушивший требование договора о третейском суде или посредничестве Совета, то все остальные члены обязуются не только немедленно прервать с ним всякие отношения политического характера, но даже запретить своим гражданам какие бы то ни было отношения торгового, финансового или личного характера с его гражданами; одним словом, виновное государство и даже его граждане подвергаются полнейшему бойкоту, чуть ли не еще более строгому, чем во время войны Германия или во время созданной Наполеоном I континентальной блокады—Англия. Само собою разумеется, такой бойкот, если он не приведет виновное государство к быстрой сдаче, должен закончиться войною всех против одного, и потому «Совет Лиги должен рекомендовать различным правительствам меры военные, морские и воздушные, посредством которых члены Лиги, сообразно с размерами их военных сил, могут принять участие в деле побуждения виновного к исполнению обязательств, принятых на себя при вступлении в Лигу». Это, конечно, должно сопровождаться исключением виновного из Лиги (ст. 16).

Если виновным в войне против члена Лиги оказывается государство, к Лиге не принадлежащее, то дело от этого по существу не меняется: его приглашают прибегнуть к третейскому суду или признать посредничество Совета Лиги, а если оно не согласится, то с ним поступают так же, как и с виновным членом Лиги, т. е. объявляют под бойкотом и затем начинают против него войну общими силами (ст. 17).

Таким образом, *ultima ratiōne* остается все-таки угроза войны,—но войны всех против одного, которая, как предполагается, должна сравнительно легко закончиться торжеством права и справедливости.

Но война договором о Лиге Наций признается не только в этой единственной форме—в форме войны за явное нарушение закона. Возможен и такой случай: посредничество Совета принято, но заинтересованные стороны отказались последовать его указаниям. В таком случае Совет публикует полный отчет о споре и делает свои предложения сторонам. Если этот отчет и предложения приняты

каждом отдельном государстве, в том числе и в силу самого факта их принадлежности к Лиге Наций. Определить эту норму безусловно необходимого должен Совет Лиги, приняв во внимание географическое положение, размеры, численность населения и другие специальные условия каждого отдельного государства. В соответствии со всеми этими данными, он должен выработать план сокращения военных сил, который должен быть рассмотрен отдельными правительствами (ст. 8 договора) и потом принят Лигой.

Кроме своей главной и прямой цели, для которой создана Лига Наций, на нее договором возложены еще и некоторые другие.

Здесь относится прежде всего задача регистрировать и публиковать во всеобщее сведение все международные договоры, которые отныне будут заключаться отдельными членами Лиги между собой. «Ни один из этих договоров или международных обязательств не будет обязательным, пока не будет зарегистрирован» секретариатом Лиги.

Устраняется ли этим постановлением возможность секретных соглашений между державами? Повидимому, не вполне, хотя они и очень затрудняются им: секретные соглашения перестают быть обязательными для заключивших их государств, и каждое государство получает легкую возможность в любой момент отказаться от такого соглашения, как только оно станет для него неудобным. Но, ведь, по существу и прежде договоры далеко не безусловно связывали державы и соблюдались вообще только до тех пор, пока это было выгодно.

Далее, Лига Наций берет на себя опеку над некоторыми колониями и территориями, которые вследствие войны вышли из под суверенитета государств, ранее ими управлявших, но которые, как гласит статья 22 договора, «населены народами, еще не способными самостоятельно управляться в исключительно трудных условиях современного мира. Благополучие и прогресс этих народов составляют священную миссию цивилизации, и потому в настоящий договор следует включить гарантии осуществления этой миссии. Лучший способ осуществить этот принцип в жизни—это возложить опеку над этими народами на развитые нации, которые в силу своих ресурсов, своего опыта или географического положения скорее всего могут и соглаются взять на себя опеку именем Лиги в качестве ее уполномоченных (mandataires)».

Таковыми территориями признаются «некоторые» (certaines) области, отнимаемые у Турции, некоторые области центральной и юго-западной Африки и некоторые острова Тихого Океана. Определенно здесь, в общем договоре о Лиге Наций, эти области не перечислены, и к ним относятся, во всяком случае, не все области, отнятые у Турции, не все колоний, отнятые у Германии в Африке. Фракия передана Греции не на правах опекуна или мандатария, а на правах суверена; Армения и Геджас сделаны самостоятельными государствами.

Колонии и территории, не способные к самоуправлению, говорится далее в договоре, находятся на весьма различных ступенях развития, и в соответствии с этим задачи, возлагаемые мандатами

на опекунов, весьма разнообразны. Далее указаны три различные ступени цивилизации:

1. «За обществами» (communautés), стоящими на высшей из этих ступеней, можно предварительно признать национальную независимость, но все-таки с тем, что в своем управлении они будут руководствоваться советами и указаниями державы, получившей мандат, до тех пор, пока они не окажутся способными управлять самостоятельно. При выборе для них державы-мандатария следует принимать во внимание собственное желание этих «обществ». Такими обществами были признаны: Сирия, мандат на которую получила Франция, Палестина и Месопотамия, мандаты на которые даны Великобритании.

2. Ниже этих обществ стоят некоторые народы центральной Африки. За ними нельзя признать политической независимости, и они должны находиться под управлением державы-мандатария, причем необходимо добиться прекращения разных злоупотреблений, как рабство, торговли оружием и алкоголем, установить религиозную свободу, не допускать сооружения укреплений, военного обучения туземцев и т. д.

3. Наконец, существуют территории, например, юго-западная Африка и некоторые острова Тихого Океана, которые, вследствие редкости населения, удаленности от центров цивилизации, непосредственного соседства с территориями держав-опекунов или разных других обстоятельств, всего лучше могут быть управляемы державами-мандатариями, как интегральная часть их собственной территории, под условием предоставления им гарантий, созданных в интересах местного населения; другими словами, которые могут быть просто присоединены к владениям одной из колониальных держав, хотя и с некоторыми ограничительными условиями.

Во всяком случае, держава-мандатарий должна посылать Совету Лиги ежегодный отчет об управлении находящейся под ее опекою территории. На особую постоянную комиссию возложено рассмотрение этих отчетов, и она же будет давать Совету Лиги указания относительно всех вопросов, касающихся земель, на управление которыми даны мандаты.

Далее, члены Лиги Наций берут на себя ряд обязательств относительно защиты труда, признания равенства граждан без различия национальностей, преследования торговли женщинами и детьми, также опиумом и другими вредными веществами, относительно борьбы с эпидемиями, и т. д. Вся эта группа обязательств не создает, однако, чего-либо существенно нового, а только требует от членов Лиги, чтобы они в этих отношениях действовали «в согласии с постановлениями международных конвенций, как тех, которые уже заключены, так и тех, которые будут заключены впоследствии». Пункт об охране труда выражен следующим образом:

Члены Лиги Наций, в согласии с постановлением и т. д.

«будут стремиться к тому, чтобы предоставить и обеспечить справедливые и человеческие условия труда мужчинам, женщинам

и детям, как на своих собственных территориях, так и во всех странах, на которые простираются их торговые и промышленные отношения, и в этих видах учреждать и поддерживать необходимые международные организации» (ст. 23).

Наконец, Лига Наций предполагает взять в свои руки разные ныне существующие международные учреждения, как Международное Бюро Всемирного Почтового Союза, Международное Бюро Телеграфных Управлений и т. д.

Лига управляется:

1) Общим собранием, в которое входят все ее члены. Каждое государство-член Лиги может назначать на общее собрание Лиги по несколько делегатов, имеющих право участвовать в прениях, но при голосовании каждое государство имеет только один голос (пять великобританских колониальных владений в качестве членов Лиги приравнены к отдельным государствам).

2) Советом Лиги. Совет Лиги состоит из 9 членов: пятеро из них назначаются великими союзными державами (Соединенными Штатами, Францией, Великобританией, Италией, Японией) по одному от каждой, остальные четверо другими державами, избираемыми на определенные сроки на общем собрании. До первых выборов правом назначить в Совет этих четырех представителей пользуются: Бельгия, Бразилия, Испания и Греция. При Совете состоит постоянный Секретариат; первым генеральным секретарем назначен уже в самом договоре о Лиге Наций сэр Джемс Эрик Друммонд; следующие генеральные секретари и секретари будут назначаться Советом и общим собранием. Делегатами держав на общих собраниях и в Совете, а также служить в секретариате, могут на равных началах как мужчины, так и женщины. Местопребывание Лиги Наций и ее секретариата — Женева. Первые заседания как общего собрания, так и Совета должны быть созваны президентом Соединенных Штатов.

Издержки Лиги Наций распределяются между ее членами в той же пропорции, в какой покрываются общие расходы участников Всемирного Почтового Союза.

3) Выше уже сказано, что Лига Наций стремится охватить весь цивилизованный мир, однако, первоначально в нее не вступают ни державы германской коалиции, ни державы, образовавшиеся из бывшей Российской империи (кроме Польши, как участницы Парижской конференции), ни государства несuverенные, ни полукультурные. Остальные делятся на две категории:

1) на державы, принимавшие участие в Парижской конференции и, следовательно, в выработке договора о Лиге Наций; они, как подписавшие хотя бы один из пяти мирных договоров, в текст которых включен и договор о Лиге Наций, и, как предполагалось, должны были его ратифицировать, вступали в Лигу уже *ipso iure*, в силу самого подписания этого договора. Общее число этих держав — 27, если считать Великобританию с колониями за единое государство, и 32, если считать отдельно колонии, — этот последний счет правильнее,

так как колонии пользуются самостоятельным голосом (перечень этих государств см. выше, на стр. 25).

2) 13 государств, приглашенных немедленно вступить в Лигу Наций; они поименно перечислены в договоре. Вот они:

Аргентина	Нидерланды
Чили	Персия
Колумбия	Сальвадор
Дания	Швеция
Испания	Швейцария
Норвегия	Венецуэла
Парагвай	

Они вступают в Лигу, если в двухмесячный срок по получении приглашения заявят о своем согласии и безоговорочно примут договор о Лиге.

Обе группы держав, счетом 45, составляют первую категорию и признаются «первоначальными членами».

Все остальные государства могут, при желании с их стороны, быть принятыми в Лигу на основании баллотировки, причем для принятия требуется большинство $\frac{2}{3}$ общего собрания Лиги. При этом принятие признается возможным только при условии, что вступающие в Лигу государства дадут гарантию своего искреннего намерения исполнять все свои международные обязательства.

Во всяком случае, вход в Лигу теоретически не закрыт ни для Германии, ни для кого другого.

Мирные договоры с Германией и другими внесли в договор о Лиге некоторые дополнения и некоторую конкретизацию.

Версальский договор с Германией возложил на Лигу следующие права и обязанности.

Саарский угольный бассейн, который, как мы увидим в следующей главе, отходит от Германии на известных условиях, будет в течение 15 лет управляться под постоянным контролем Лиги особой комиссией, назначаемой Советом Лиги. Через 15 лет здесь будет произведен плебисцит. Поданные голоса будут подсчитаны по отдельным поселениям, и весь цифровой материал представлен Лиге Наций, которая, на основании этого материала, решит окончательную судьбу области: она может быть целиком передана Франции, возвращена Германии, сохранена под властью Лиги Наций или же разделена на две или три части—французскую, германскую и, наконец, остающуюся навсегда в положении, установленном Версальским миром, т.-е. под властью Лиги Наций.

Отторгаемый от Германии Данциг образует особый вольный город, под защитой Лиги Наций. Лига Наций назначает в него верховного комиссара, который будет исполнять в нем обязанности судьбы во всех спорах между Данцигом и Польшей; при его участии и с его согласия представителями города будет выработана конституция.

Таким образом, Лига Наций получает в свое управление две местности, отходящие от Германии. Ей же предоставлено вырешить политическую судьбу Эйпена и Мальмеди, двух округов Рейнланда, отходящих от Германии.

Однако, область к северо-востоку, от реки Мемель (Неман) получают в свое управление союзные державы-победительницы, Лига же Наций касательства к ней не имеет. Точно так же союзные державы, а не Лига Наций, решают на основании плебисцита судьбу Верхней Силезии, среднего Шлезвига и других местностей, переход которых к Дании или Польше определяется исходом плебисцита ¹⁾.

Далее, Лиге Наций предоставлено назначать председателя в третейские суды для разбора споров о частных имуществах, о частных долгах, вообще о разных гражданских отношениях отдельных лиц, принадлежащих к различным государствам (напр., Франции и Германии), поскольку война запутала эти отношения.

Но споры государственного характера, вызываемые применением мирного договора, победительницы не сочли возможным предоставить арбитражу Лиги и их решение целиком оставили за собой, даже в тех случаях, для решения которых Лига Наций, казалось бы, могла считаться наиболее подходящим судьей; так, напр., контроль над разоружением Германии возложен на особые комиссии, назначаемые союзными державами, а не Лигой.

Аналогичные условия, с не очень существенными отклонениями, поставлены для Лиги Наций в Сен-Жерменском и других мирных договорах.

Таким образом, на Лигу Наций общим договором о ней и договорами с отдельными государствами возложены очень существенные и очень обширные задачи: она, преследуя свою пацифистскую цель, является вместе с тем верховной правительницей весьма важных территорий, как Саарский округ, как Данциг; она распоряжается мандатами на управление целыми многомиллионными государствами, как Месопотамия и др.; она регистрирует международные акты, она окончательно решает судьбу некоторых земель, отторгаемых у побежденных стран; она является суперарбитром во многих спорах.

Если к этому прибавить ее предполагаемый состав,—по договору—почти весь цивилизованный мир, кроме России и держав центральной Европы, а в недалеком, во всяком случае, предусматриваемом будущем—весь цивилизованный мир; если, далее, обратить внимание на ее организацию и управление,—то станет ясно, что Лига Наций, по мысли ее творцов, должна стать конфедерацией, объединяющей все государства мира и берущей в свои руки управление общими делами всего мира.

Таковы широкие перспективы, очевидно, рисовавшиеся в уме ее

¹⁾ Так обстоит дело на основании мирного договора, но фактически спор о Верхней Силезии летом 1921 г., после того, как там был произведен плебисцит, был передан на решение Лиги Наций, и именно она разделила спорную землю на части польскую и германскую.

создателя, Вильсона, и в общих чертах намеченные уже в первоначальном договоре о Лиге Наций.

Мы, однако, уже видели, что с самого начала Лига встретила одно совершенно непредвиденное, однако, очень существенное, затруднение: Соединенные Штаты, президенту которых принадлежит самая идея Лиги Наций, отказались ратифицировать мирные договоры, и притом как раз потому, что не захотели принять на себя обязательств, налагаемых договором Лиги Наций. Таким образом, Лига должна была образоваться без такого важного государства, как Соединенные Штаты, которое по договору должно было обязательно входить в Совет Лиги, и президент которого должен был созвать как первый Совет Лиги, так и первое общее собрание. Таким образом, с самого начала образовалась в Лиге очень крупная брешь.

Тем не менее, Лига была образована.

Кроме Соединенных Штатов, отказались ратифицировать мирные договоры еще два американских государства, тесно связанные с Соединенными Штатами: Эквадор и Никарагуа. Китай, который не подписал мира с Германией, подписал, а потом и ратифицировал мир с Австрией и, следовательно, принял и договор о Лиге и вступил в нее.

Таким образом, из 32-х государств (считая и великобританские владения), участвовавших в Парижской конференции, в Лигу Наций вступило только 29. Зато из 13 государств, получивших приглашение, приняли его все; всего, следовательно, Лига открылась в составе 42-х первоначальных членов.

Не вошли в нее в Европе: Россия и все государства, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи, за исключением одной Польши: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Армения, Азербейджан; ни одно из этих государств в Лигу первоначально не вошло, не говоря уже о советской России. Германия, Данциг, Австрия, Венгрия, Фиуме, Болгария, Турция, Люксембург и 4 карликовых государства (Андорра, Монако, Сан-Марено, Лихтенштейн) не вошли тоже; также Албания.

В Азии не вошли все новые государства, образовавшиеся на территории Турции (с Аравией), за исключением только Геджаса: Месопотамия, Сирия, Палестина, Йемен, Асир; из старых государств — также Афганистан, Непал, султанат Оман.

В Африке вошли в Лигу только Либерия и Южно-Африканский Союз; из самостоятельных и полусамостоятельных государств не вошли ни Абиссиния, ни Марокко; не вошли также колониальные владения европейских держав, в том числе и такие, сравнительно высоко стоящие, как Египет.

В Америке не вошли: Соединенные Штаты, Мексика, Костарика, Никарагуа, Доминиканская республика, Эквадор.

Австралия и Новая Зеландия вошли; не представлены в Лиге только мелкие острова Тихого океана, принадлежащие разным европейским государствам и Японии.

Таким образом:

	Вошли в Лигу государства с		Не вошли в Лигу государства с	
	площадью в тыс. кв. кил.	числом жи- телей (в мил- лионах).	площадью в тыс. кв. кил.	числом жи- телей (в мил- лионах).
Европа	3.778	251	6.060	212
Азия	18.860	713	18.251	54
Африка	1.320	8	28.080	120
Америка	27.585	71	11.906	119
Австралия и Но- вая Зеландия .	8.209	6	—	—
Итого	59.752	1.049	64.297	505

(Цифры не совсем полные, так как пустыни, вроде Аравийской во внимание не приняты, и приблизительные, так как для многих государств нет точных статистических данных).

Из этих цифр видно, что около 1/3 человечества и больше 1/2 площади всей обитаемой суши в Лигу не вошли. Если отсутствие в Лиге Африки не составляет для нее ущерба, то отсутствие почти половины Европы и значительно более половины (по числу жителей) Америки, несомненно, не могло служить счастливым предзнаменованием.

Лига официально объявлена открытой 10 января 1920 г. Совет ее вместо 9 (за отсутствием Соединенных Штатов) состоял из 8-ми членов. Первым генеральным секретарем Лиги, по договору о ней, назначен сэр Джемс Эрик Друммонд. В течение первого года Совет собирался 10 раз, из них 4 в Париже, 3 в Лондоне, по одному в Риме и других городах. Общее собрание заседало всего один раз, в Женеве.

Но рядом с Лигой продолжал свое существование и Верховный Военный Совет Антанты, отчасти конкурируя с Советом Лиги.

Тем не менее и Совет Лиги исполнял обязанности, возложенные на него мирными договорами. Он взял в свои руки управление Саарским бассейном и Данцигом, назначив соответственных лиц.

Когда между Швецией и Финляндией начались довольно острые недоразумения из-за Аландских островов, и шведский посланник был уже отозван из Гельсингфорса, то Совет Лиги вмешался и уладил спор. Он же уладил спор между Польшей и Литвой. Однако, он

даже не сделал попытки уладить спор между Польшей и советской Россией, и этот спор в 1920 г. был решен оружием.

Судьба Эйпена и Мальмеди, двух небольших округов Рейнланда, должна была быть решена Лигой, и Лига присудила их Бельгии. Это решение было несомненно продиктовано Антантой, так как население этих округов почти поголовно немецкое, тяготеющее к Германии.

Общее собрание Лиги открылось в Женеве 15 ноября 1920 г. На нем были представлены все 42 государства, входившие в Лигу. На очередь был поставлен вопрос об ограничении вооружений, но никаких обязательных постановлений не принято.

Один из аргентинских представителей, Пуейредон (Pueyrredon), горячо отстаивал принятие в Лигу всех государств, не исключая Германии и России; он говорил, что нынешний состав Лиги производит впечатление, что она есть не что иное, как организация сил союзников, ведших войну с Германией, и что ее цель не столько охранять вечный мир между народами всего мира, сколько закончить великую войну. Пуейредона поддерживал один из представителей Великобритании, вождь рабочих Бэрнс (Barnes), и Роберт Сесиль, представлявший на собрании Южно-Африканский Союз. Против них, в особенности против присоединения Германии, решительно высказались французские делегаты.

Подвергнуты баллотировке и приняты 6 государств: Австрия, Болгария, Костарика, Финляндия, Албания, Люксембург; первые два большинством 35 голосов при 1 воздержавшемся (Австралия) и шести отсутствующих; последние 4—единогласно:

Напротив, Армения, Латвия, Литва и Эстония, выразившие желание быть принятыми в Лигу, получили отказ, на том основании, что эти государства еще не организовались.

В 1920 г. число членов Лиги поднялось, таким образом, с 42 до 48; но соотношение представленного и не представленного в ней человечества численно изменилось весьма незначительно, и попрежнему более половины людей белой расы остаются вне Лиги.

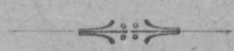
В Совет на следующий год представителями второстепенных государств избраны те же Бельгия, Бразилия и Испания, и только место Греции занял Китай.

Решено, что очередные общие собрания будут созываться ежегодно, в сентябре месяце, в Женеве; чрезвычайные—по мере надобности.

Как все человеческие учреждения, Лига Наций требует расходования известных средств. Бюджет Лиги, слагающийся из взносов отдельных ее членов, определился: в 1919 г. некоторые предварительные расходы—297.000 золотых франков, 1920 г. (первый год существования Лиги) по росписи—10 миллионов, 1921 г. тоже по росписи—20 миллионов золотых франков.

Вот главнейшие статьи расходов:

	По росписи 1920	По росписи 1921
в золотых франках.		
Приобретение Hôtel National в Женеве для помещения Совета и Секретариата Лиги, переделка его для потребностей Лиги, приобретение обстановки,—5 миллионов, погашаемых в 5 лет.	—	1.859.167
Библиотека.	—	235.000
Печатание различных документов и изданий ¹⁾ кроме <i>journal Officiel</i>	150.000	298.477
Жалование служащим, разъездные, <i>journal Officiel</i> и проч.	3.275.000	5.800.000
Судебные комиссии, содействие возвращению пленных и проч.	1.750.000	3.300.000
Резервный капитал ²⁾	1.725.000	2.550.000
Остальные и непредвиденные расходы	3.100.000	6.957.356
Итого	10.000.000	20.000.000

¹⁾ Между прочим секретариат Лиги издает превосходный статистический ежемесячник: *Bulletin mensuel de Statistique*. Он выходит с текстом на двух языках: французском и английском.

²⁾ Признан необходимым, вследствие возможности замедления в воти-ровании необходимых кредитов на Лигу парламентами некоторых ее членов, которое может вызвать задержку в получении необходимых для Лиги сумм.

Содержание мирных договоров. Территориальные перемены.

Ни одна война из очень большого числа войн, имевших место в Европе или вне Европы за сто лет, прошедших с Венского конгресса 1815 г., не производила таких значительных территориальных изменений, как последняя. Целая великая держава, Австро-Венгрия, сразу исчезла с карты Европы; от когда-то могущественной и обширной Турецкой империи, еще перед войной владевшей обширными территориями в трех частях света, населенных (с Египтом и Суданом) более чем 36 миллионами жителей, остался жалкий обломок не более чем в 8 миллионов жителей, и то, Бог весть, не обреченный ли на скорую смерть; образовался целый ряд новых государств, частью очень значительных, как Польша; старые государства иногда чуть не утроились по площади своих владений и по числу жителей и вместе с тем даже изменили свое старинное название (Сербское королевство обратилось официально в Сербо-Хорвато-Словенское, неофициально в Югославию); совершенно изменилась карта Африки, и т. д. Притом я совершенно не говорю о тех переменах, которые произошли на территории бывшей Российской империи, так как Парижская конференция и выработанные на ней мирные договоры ее не касались.

В юридических условиях, которыми обставлены эти перемены, имеется одно существенное нововведение. Доныне решение вопроса об изменении границ между государствами принималось на международных конгрессах и конференциях, а затем, вместе со всеми остальными условиями мирных договоров, ратификовалось правительствами участвующих в конгрессах государств; о желании или нежелании населения местностей, переходящих из рук в руки, никто не спрашивал. Ни Эльзас, доставшийся в 1871 г. Германии, ни Босния, власть над которой в 1878 г. получила Австро-Венгрия, ни Трансвааль и Оранжевая Республика, завоеванные в 1902 г. Великобританией, ни Триполи и Киренаика, завоеванные Италией в 1912 г., ни Македония, в 1913 г. поделенная между Грецией, Болгарией и Сербией, не были спрошены о том, желают ли они этих завоеваний, этих разделов; не были спрошены даже тогда,

когда, как в последнем случае, война велась под флагом освобождения именно этой страны из под чуждой власти. Плебисцит, как условие перехода области под новую власть, не признавался обязательным и составлял крайне редкое исключение, которое если иногда и принималось, то либо с намерением его нарушить (плебисцит в Шлезвиге по Пражскому миру 1866 г.), либо с готовностью его фальсифицировать (Авиньон в 1791 г., Савойя и Ницца в 1860 г.).

Напротив, по мирным договорам 1919—1920 плебисцит является если не безусловно необходимым, то все же довольно часто применяемым условием для передачи местности под новую для нее власть.

Вообще все территориальные изменения, произведенные Версальским и другими мирными договорами этого времени, могут быть разделены на две категории:

1. на безусловные, устанавливаемые в мирном трактате и производимые немедленно после вступления его в силу, и

2. обусловленные плебисцитом, который должен быть произведен в определенный срок после вступления в силу мирного договора, иногда равняющийся нескольким месяцам, иногда же достигающий 5 (Смирнинский вилайет), 15 (Саарский угольный бассейн) или даже 25 лет (Галиция).

Эта последняя категория территориальных уступок введена, очевидно, во исполнение основной идеи, выраженной в Вильсоновской мирной программе: мир должен быть заключен во имя права и справедливости, в интересах народов; мир не должен быть новым актом насилия. Из этой идеи должен был бы следовать вывод: никаких территориальных изменений без плебисцита. Но вывод этот не сделан: большая часть территориальных изменений произведена без плебисцита, и только меньшая на его основании.

Для объяснения этого различия можно найти кое-какие указания если не в тексте мирных договоров, то в различных сопровождающих их документах. Так, германская делегация в своих встречных предложениях настаивала на повсеместном применении плебисцита, в том числе и в Эльзас-Лотарингии. В ответе союзников указано, что в ней плебисцит не нужен, так как право Франции на него бесспорно.

Из этого можно заключить, что плебисцит должен быть произведен там, где может быть сомнение в желаниях местного населения; там же, где антигерманское настроение народа определилось, где, следовательно, право какой-нибудь державы на приобретение данной территории сомнению не подлежит, там она отторгается от Германии или другой страны без плебисцита, в силу прямого постановления соответственного мирного трактата.

Ниже, при рассмотрении отдельных территориальных уступок, мы увидим, что это не вполне так.

Кроме территорий, уступаемых Германией или ее союзницами безусловно или на условии плебисцита, имеются земли, остающиеся под прежней верховной властью, но на особых основаниях: либо они оккупируются на определенный срок иностранными войсками,

либо верховная власть государства, в состав которого они входят, подвергается каким-либо ограничениям (в праве строить крепости, иметь войска, устройство порто-франко, и т. д.).

А. Германия.

Германия без всякого плебисцита теряет следующие земли.

В пользу Франции Эльзас-Лотарингию в границах 1870 г. С нею до известной степени соединен городок Кель, находящийся на правом берегу Рейна, в Бадене, как раз против Страсбурга. Город этот невелик,—в нем всего 3.000 жителей, а вместе с ближайшими окрестностями не более 10.000; но, будучи не лишенной значения речною гаванью, он тесно связан со Страсбургом и является как бы его пригородом. Он остается во власти Германии и, в частности, Бадена, но гавани Страсбурга и Келя должны быть организованы по общему плану и на 7-милетний срок должны оставаться под управлением особого директора—обязательно французского гражданина—назначаемого и смещаемого Центральной Рейнской Комиссией (ст. 65 Версальского мирного договора). Власть этого директора простирается и на окрестности Келя.

В пользу Польши Германия без плебисцита отдает почти всю провинцию Познань (кроме узкой полосы земли на западе ее, прилегающей к провинции Бранденбург). На север от нее идет к Балтийскому морю так называемый «польский корридор»—полоса земли по левому берегу Вислы, шириной в 50—100 километров, составляющая большую часть провинции Западная Пруссия; к ней с востока примыкает небольшая часть провинции Восточная Пруссия, лежащая по правому берегу Вислы.

Точно так же без плебисцита переходит к Польше небольшой кусок северной Силезии, непосредственно примыкающий к польской Познани.

Город Данциг с окрестностями тоже отходит от Германии, но образует особый вольный город, который будет находиться под покровительством (protection) Лиги Наций, а выработанная с участием назначенного ею комиссара конституция—под ее защитой (garantie).

Небольшой кусок земли к северо-востоку от реки Мемель (Неман), до бывшей русской, ныне литовской, границы, с городом Мемель переходит в общее обладание пяти союзных великих держав; предполагается, что он будет отдан Литве.

В пользу Чехо-Словакии отходит небольшой клочок земли на юго-западе прусской Силезии, с городом Ратибор.

На **плебисцитарном** начале Германия теряет следующие территории.

В пользу Бельгии два небольших округа Рейнской провинции: Эйпен и Мальмеди.

В пользу Дании следовало произвести два отдельных плебисцита: в полосе северного Шлезвига, непосредственно примыкающей (с городами Апенраде, Тондерн, Гадерслебен, островами Альзен и Рем) к

Дании, и в прилегающей к ней полосе среднего Шлезвига (с городом Фленсбург и островами Сильт и Фэр).

В пользу П о л ь ш и плебисцит должен был быть произведен в значительной полосе земли, лежащей на юге Восточной Пруссии и примыкающей непосредственно к русской Польше, а также в Верхней Силезии.

Наконец, на совершенно особых началах Германия теряет Саарскую область, лежащую по течению реки Саар, составляющуюся из южной части прусского Рейнланда (города Мерциг, Саарлуи, Нейнкирхен и др.) и северной части баварского Пфальца. Это богатейший угольный бассейн. Все угольные копи немедленно и навсегда переходят к Франции, на правах частного владения, причем однако поставлен ряд условий, чтобы Германия ничем, ни в законодательном, ни в административном порядке, не могла ограничить или затруднить для Франции владение и эксплуатацию этих копей, и не только в ближайшем будущем, когда Германия и не смогла бы этого сделать, так как управление областью на 15 лет выходит из ее рук, но и в отдаленном будущем, когда она, быть может, вернется к Германии.

На 15 лет управление Саарскою областью переходит в руки Лиги Наций; ее Совет будет назначать особую комиссию из 5 членов, из коих один должен быть французом, трое—гражданами других государств, кроме Франции и Германии, и наконец пятый должен быть уроженцем и жителем Саарской области. Эта комиссия, назначаемая на годичный срок, получает в области всю правительственную власть и ответственна перед Лигой. Через 15 лет здесь будет произведен плебисцит, причем на народное голосование будет поставлено не два, а три предложения: вернуться к Германии, отойти к Франции или навсегда остаться под управлением Лиги Наций. Голоса будут подсчитаны по отдельным поселениям, и на основании всего полученного материала Лига Наций постановит решение, причем она может сохранить Саарскую область единой, под единою властью Германии, Франции или своей собственной, либо (если в разных ее частях обнаружатся различные политические стремления) разделить на две или три части, из которых одну отдать Франции, другую Германии, третью оставить под своей властью.

Порядок производства плебисцитов, установленный Версальским миром, для каждой отдельной местности имеет свои мелкие особенности, но в существенных чертах везде (за исключением Эйпена и Мальмеди) одинаков. Вот, например, порядок, установленный для той части Восточной Пруссии, жителям которой было предоставлено высказаться за или против перехода к Польше.

В течение двух недель после вступления в силу мирного договора германские войска и власти ¹⁾ должны быть удалены из плебисци-

¹⁾ В другом месте, именно, в ст. 109, посвященной плебисциту в Шлезвиге, объяснено, что под „властями“ следует разуметь собственно администрацию и обербюргермейстеров городов; ни судебные власти, ни финансовые управления в это понятие не включаются, не говоря уже об учителях и т. д.

тарной области. Управление ею возлагается на международную комиссию из 5 членов, назначаемых 5-ю союзными великими державами. Комиссия имеет полномочие управлять областью, но в особенности на нее возложена обязанность подготовить голосование и принять все необходимые меры, чтобы обеспечить свободу, тайну и независимость подачи голосов.

При плебисците правом голоса пользуются все лица, без различия пола, удовлетворяющие следующим условиям:

а) Возраст не менее 20 лет в момент вступления в силу Версальского договора.

б) Либо рождение в плебисцитарной области, либо проживание в ней в течение срока, который должен быть установлен комиссией.

Каждый голосует по месту своего жительства; если же он в данной области не живет, то по месту своего рождения.

После окончания голосования комиссия подводит итоги поданных голосов за и против по отдельным общинам и весь собранный цифровой материал сообщает пяти великим державам; она же сообщает им подробный отчет о ходе голосования и, сообразно с его исходом, делает предложение о проведении границы между тою частью области, которая должна отойти к Польше, и тою, которая должна остаться в Германии. Окончательно вопрос решают великие державы, которые могут либо присудить всю спорную область одной стороне, либо разделить ее между Германией и Польшей.

Все расходы, как по управлению плебисцитарной областью до окончательного решения ее судьбы, так и по производству плебисцита, покрываются из местных средств; недостающее возлагается на провинцию Восточную Пруссию (ст. 95).

Плебисцит в Верхней Силезии отличается от только что описанного довольно значительным числом второстепенных по значению особенностей, из которых наиболее интересны следующие:

Управление ею возложено не на 5, а всего на 4 великие державы—Соединенные Штаты, Францию, Великобританию, Италию (следовательно, без Японии), и в соответствии с этим комиссия состоит из 4 членов. Она облечена правами, более обширными, чем в Восточной Пруссии; так, например, в ее распоряжении находятся войска союзников, вводимые в эту область, каковых нет в распоряжении комиссии, управляющей плебисцитарной областью провинции Восточная Пруссия. В соответствии с этим деятельность прусского правительства здесь ограничена еще более: из Восточной Пруссии удаляются только «власти», отсюда—поголовно все немецкие чиновники, которые замещаются новыми, назначаемыми комиссией. Образовавшиеся здесь ко времени заключения мира советы рабочих и солдатских депутатов распускаются, и их члены, если они не местные уроженцы, высылаются за пределы плебисцитарной области. Правом голоса, кроме лиц, родившихся в ней или же имеющих в ней местожительство, пользуются также все лица, которые когда-

либо здесь жили, если они были высланы отсюда по распоряжению германских властей (Прибавление к ст. 88 Версальского договора ¹⁾).

Существеннейшее отличие плебисцита в Шлезвиге составляет то, что плебисцитарная область в нем делится на две зоны, в которых плебисцит производится отдельно в разные сроки; при этом в северной области голоса подсчитываются не по общинам, а по всей зоне, и судьба ее решается общим большинством голосов, так что она не может быть разделена на части датскую и немецкую, даже если голосование обнаружит наличие двух этнографически отдельных зон (что и случилось в действительности). Напротив, в южной зоне (средний Шлезвиг) голоса, как и в Силезии и Восточной Пруссии, подсчитываются по общинам, и она может подвергнуться делению на две части.

Все эти местности, хотя и находились под управлением иностранных комиссий, но все-таки до решения своей судьбы оставались частью Германии; в них действовало германское законодательство, поскольку оно не было изменено специальными временными постановлениями; железные дороги в них оставались в германском управлении; обще-германские или прусские выборы в рейхстаг и ландтаг имели место и в них. Пока плебисцит не сказал своего решающего голоса, до тех пор эти местности оставались германскими.

Совсем в ином положении, были во-первых, Саарская область, во вторых—Эйпен и Мальмеди. Саарская область тотчас после вступления в силу мирного договора обращалась в особое, чуждое Германии, государство с особой таможней, со своими железными дорогами, со своим законодательством, и таким она будет в течение 15 лет, до самого плебисцита. Эйпен и Мальмеди немедленно по заключении мира переходят к Бельгии, и именно она производит в них плебисцит, если его можно назвать плебисцитом.

Голосование в Эйпене и Мальмеди вовсе не производится. Бельгийское правительство обязано выложить там в публичных местах особые листы, и каждый местный житель в течение 6 месяцев имеет право занести свой протест против присоединения этих округов к Бельгии; по истечении указанного срока эти листы будут представлены Лиге Наций, и она уже решит, должны ли Эйпен и Мальмеди остаться за Бельгией или вернуться целиком или частью к Германии.

¹⁾ В первоначальной редакции мирного договора Верхняя Силезия отходила к Польше без плебисцита. Плебисцит введен только в окончательную редакцию и является одною из уступок, сделанных Германией державами-победительницами, под влиянием соображений, приведенных германской делегацией.

По тексту мирного договора решение судьбы Верхней Силезии представлено 4-м великим державам. В действительности оно было передано Лиге Наций.

Напротив, в Саарской области порядок плебисцита общий, и главное отличие от других состоит лишь в отдаленности срока.

Бросим теперь беглый взгляд на этнографический состав тераемых Германией местностей.

Эльзас-Лотарингия в значительной своей части говорит на одном из германских диалектов; но вся почти полувекковая история этой страны со времени насильственного присоединения к Германии в 1871 г. говорит о живом французском национальном чувстве, о недовольстве, с каким население подчинилось и переносило немецкую власть. Поэтому возвращение ее Франции безусловно согласуется с вильсоновской программой, тем более, что Вильсон даже особо упомянул о ней.

Напротив, Саарская область населена исключительно немцами, никогда ничем не проявляла недовольства германскою властью, и отторжение ее от Германии и подготавливаемая уступка Франции с этнографической точки зрения ничем оправданы быть не могут: они продиктованы чисто экономическими соображениями и являются дополнительной пеней к контрибуции.

В Эйпене и Мальмеди на 60.924 жителей (по переписи 1910 г.) 50.387 признали своим родным языком немецкий, и только 10.470—валлонский. Это, следовательно, немецкие округа, и передача их Бельгии, даже без действительного плебисцита, а только с его странной видимостью, объясняется исключительно стратегическими соображениями.

Северная часть северной зоны Шлезвига населена датчанами; местные жители за все время ее принадлежности Пруссии манифестировали свои антигерманские чувства избранием в рейхстаг депутата датской партии. Но тот северный Шлезвиг, который представляет первую плебисцитарную зону Шлезвига, приблизительно в 1½ раза шире, чем тот северный Шлезвиг, население которого посылало датского депутата; напротив, южная часть этого северного Шлезвига—чисто немецкая по этнографическому своему составу, по своему языку и по своим политическим симпатиям: на выборах в рейхстаг она голосовала за национал-либеральных (немецких) депутатов. Тем более вторая зона (Средний Шлезвиг)—ничто в ее прошлом не давало основания ожидать от нее датских симпатий, и для устройства там плебисцита не было никаких оснований с точки зрения вильсоновской программы, т.-е. с точки зрения интересов и желаний местного населения.

Между тем на конференции первоначально существовал проект произвести плебисцит в Шлезвиге в еще более широких границах, но этот проект встретил неожиданное противодействие со стороны делегатов Дании, которые были специально приглашены на нее для выслушания их мнения по шлезвигскому вопросу. Они заявили, что при нынешних условиях значительная часть немецкого населения может голосовать за присоединение к Дании, предпочитая из государства разоренного, отягченного громадным государственным долгом и громадной контрибуцией, перейти к государству, граждане

которого не переобременены налогами. Между тем Дания вовсе не желает присоединять к себе населения, чуждого ей по этнографическому составу и языку, которое может представить в будущем для нее значительные неудобства. И границы обеих зон плебисцита были проведены согласно желаниям Дании, однако, все же гораздо шире действительной этнографической границы: в сравнительно скромных размерах от присоединения чуждого ей немецкого населения Дания не отказывалась, и именно ради него плебисцит в северной зоне Шлезвига был подчитан по всей зоне, а не по отдельным селениям.

Познань—земля несомненно польская.

Точно так же польский в этнографическом смысле состав населения Верхней Силезии не подлежит сомнению, и однако, как мы сейчас увидим, симпатии ее населения оказались на стороне Германии.

Но уже население «польского коридора» сильно смешанное: в нем (точнее, в западно-прусской его части) по переписи 1910 г. на 537.000 лиц, объявивших своим родным языком польский, имеется 410.000 с родным немецким языком. Весьма вероятно, что именно здесь многие поляки голосовали бы за сохранение их родины в пределах Германии, как это сделали многие поляки в Верхней Силезии, ибо в экономическом отношении эта местность находится в слишком большой близости с остальной Германией. Между тем она вся отдана Польше без плебисцита.

Что же касается Данцига, то чисто немецкий его характер не подлежит ни малейшему сомнению. Отторжение его от Германии и обращение в вольный город объясняется желанием создать для Польши удобный порт.

Таким образом, соображения этнографического характера далеко не были решающими при разделе Германии.

До настоящего времени плебисцит произведен повсеместно, где он был назначен, кроме одной Саарской области, и результаты его таковы:

В Эйпене и Мальмеди число протестантов против их присоединения к Бельгии, как и следовало ожидать, оказалось совершенно ничтожным, всего 270 человек, и Лига Наций присудила их Бельгии.

Плебисцит в Шлезвиге произведен: в северной зоне 10 февраля 1920 г., в южной зоне—14 марта того же года. Вот его результаты:

Подано голосов.	В сев. зоне.	В южн. зоне.
За Данию	75.434	12.800
» Германию	25.329	51.724

Таким образом, опасение датчан, что многие немцы будут голосовать за Данию, не оправдалось, или, по крайней мере, оказалось преувеличенным. Державы не сочли возможным продолжать дробление Шлезвига и целиком присудили южную зону Германии, как северную—целиком Дании.

Голосование в Восточной Пруссии выпало в пользу Германии, и она сохранена за нею.

Иная судьба постигла Верхнюю Силезию. Здесь плебисцит происходил 23 марта 1921 г.; подано голосов—за Германию 716.000 (60,1%), за Польшу—475.000 (39,9%).

В виду значительного численного преобладания поляков, ясно, что многие из них голосовали за Германию. Спрашивается, чем объясняется это.

Вероятно, тем, что торжествующая политически Польша в действительности и разорена гораздо хуже Германии, и под бременем налогов стонет не меньше, а больше Германии, видит у себя еще худшее разстройство денежной системы, а торжествующий польский национализм грозит вовлечь ее в конфликты, гораздо более опасные, чем Германию. Эти мотивы могли влиять на все вообще население Восточной Пруссии и Силезии и в частности на крестьян, а на рабочих силезских угольных копей—еще и то соображение, что Германия с ее социал-демократическим правительством обнаруживает известную заботливость о промышленных рабочих, которой, повидимому, не обнаруживает правительство Польши, что в Германии уже существует развитое фабричное законодательство, за которое нужно еще вести борьбу в Польше.

Другими словами, теми мотивами, которых опасались датчане для Шлезвига, конечно, применительно к местным условиям. Во всяком случае, это голосование доказывает, что политические стремления и симпатии населения определяются не только национальным чувством, но и другими стремлениями, хотя все же, как показывает пример Шлезвига и другие, которые мы увидим ниже (в Австро-Венгрии), национальное чувство, в общем, доминирует над остальными соображениями.

В октябре 1921 г. Лига Наций, сообразно исходу плебисцита, произвела раздел Верхней Силезии между Польшей и Германией, причем значительная часть угольных копей отошла к Польше. Этот раздел нанес сильнейший удар по экономическому благосостоянию Германии, которое уже начало было оправляться после войны.

Всего Германия должна была отдать (считая Саарскую область) без соответственной части Верхней Силезии—69.196 кв. кил. своей территории (из 540.857) и 6.233.000 душ своего населения (из 64.925.000 по переписи 1910 г.); сверх того, из Верхней Силезии приблизительно 4.000 кв. кил., с населением в 800.000 душ; всего, следовательно, около 73.000 кв. кил. территории (13%) и около 7 миллионов душ населения (11%).

Потеря так называемого «польского коридора» вместе с Данцигом привела, между прочим, к тому результату, что провинция Восточная Пруссия оказалась территориально совершенно отрезанной от остальной Германии. Это, правда, несколько смягчается тем, что и Данциг и Польша обязаны предоставить Германии свободный транзит и возможность телеграфных и телефонных сношений, но совершенно неизбежно, что слабая в военном и политическом отношении Германия часто не будет в состоянии отстаивать своих прав в этом отношении.

Кроме того, Германия потеряла все свои колонии в пользу Англии, Франции, Бельгии и Японии.

Наконец, как уже было сказано, есть такие территории, которые остались в пределах Германии, но над которыми Германия потеряла долю своих верховных прав.

Кроме Рейна, о котором уже сказано, весь левый берег Рейна должен быть оккупирован иностранными войсками; в нескольких местах область оккупации переходит и на правый берег. Оккупация есть мера, принятая с целью получить гарантию лояльного исполнения мирных условий; «если условия договора будут добросовестно исполняемы Германией», то войска союзников очистят оккупированную область в определенные сроки: одну ее пятую (6415 кв. кил.) через 5 лет, другую пятую (6417 кв. кил.) через 10, всю остальную через 15 (вся оккупированная область занимает 31.946 кв. кил.— 6,75% всей территории Германии, остающейся в ее владении,—с 6.457.000 жителей по переписи 1910 г.—10,8% всего населения нынешней Германии).

Указанные сроки могут быть сокращены, но они могут быть и продлены, и даже, если после очищения территории от войск союзные державы найдут, что Германия не обнаруживает прежней лояльности, то они могут вновь ее оккупировать (ст. 428—431).

В оккупированных местностях назначается междусоюзническая Верховная Комиссия Рейнланда, из представителей Соединенных Штатов, Бельгии, Франции и Великобритании, которая является там представительницей союзных держав. Она имеет право делать необходимые распоряжения, и германские власти обязаны их исполнять. За преступления, направленные против личности или собственности офицеров или солдат союзной армии, виновные изъаты от германской юрисдикции и подлежат военному суду союзников, причем германские власти обязаны содействовать им в розыске и арестовании виновных и вообще беспрекословно исполнять все их требования. Вообще власть Германии на этой территории оказывается очень сильно ограниченной.

Она ограничена еще в одном очень существенном отношении, притом не только на этой территории, но сверх того еще на полосе шириною в 50 километров по правому берегу Рейна: Германия обязана срыть все имеющиеся здесь укрепления и никогда не воздвигать новых, а в оккупированном районе в период оккупации не только не держать никаких войск, но не переводить их через него. (Соглашение относительно военной оккупации территории Рейна, 28 июня 1919, ст. 1—4).

Б. Австро-Венгрия.

Германия по крайней мере уцелела. Австро-Венгрия уничтожена, разбита на куски. Из 676.617 кв. кил. ее площади и 51.390.000 жителей (считая с Боснией и Герцеговиной) целая половина, а именно

351.000 кв. кил. и 22.930.000 жителей отданы четырем соседним государствам: Польше, Румынии, Сербии, ставшей Сербо-Хорвато-Словенским государством, или Югославией, и Италии, а другая половина разбита на 4 отдельных небольших государства: Австрию, Венгрию, Чехо-Словакию и маленький вольный город Фиуме.

Из них Австрия насчитывает всего 84.214 кв. кил. с 6.646.000 жителей по переписи 1910 г., или 6.412.000 по переписи 1920 г. (население убывло вследствие значительного числа жертв войны, усиления смертности среди гражданского населения, уменьшения рождаемости); таким образом, новая Австрийская республика составляет около $\frac{1}{8}$ бывшей Австро-Венгрии и немного более четверти бывшей Австрийской империи.

Почти такой же осколок остался от Венгрии, теперь составляющей не более трети бывшего Венгерского королевства: она занимает теперь всего около 100.000 кв. кил. (точная цифра не может быть определена) с населением по переписи 1910 г. в 7.470.000 душ, по переписи 1921 г.—7.840.000. Небольшое увеличение произошло не вследствие естественного прироста: такового не было; наоборот, население Венгрии вымирало еще быстрее, чем в Австрии; но значительное число мадьяр, живших ранее на отнятых в пользу Румынии, Югославии и Чехословакии землях, предпочло переселиться в Венгрию, чем оставаться под чужою властью.

Новое государство Чехо-Словакия составилось из земель австрийской короны: Богемии, Моравии и большей части австрийской Силезии и венгерской Словакии с несколькими венгерскими комитатами, населенными русинами (украинцами). Кроме того, к ней присоединена очень небольшая часть прусской Силезии (286 кв. кил. с 45.000 жит.). Она граничит на западе и севере с Германией, на востоке с Польшей, на юге с Румынией, Венгрией и Австрией. Всего она занимает 140.968 кв. кил., т.е. почти вдвое больше нынешней Австрии, с 13.636.000 жит. (по переписи 1910 г.; новейшей переписи не было).

Набонец, вольный город Фиуме, признанный таковым в Рапалло 12 ноября 1920 г., занимает 20 кв. кил. с 49.000 жит.

Из соседних государств, обогатившихся за счет Австрии, Польша получила всю Галицию, западную (с польским населением, с гор. Краков) и восточную (с русским населением, с гор. Лемберг, иначе Львов) и совсем небольшую часть австрийской Силезии, всего приблизительно 80.780 кв. кил. с населением (по переписи 1910 г.) 8.460.000 душ. Так как от Германии Польша получила около 47.000 кв. кил. с 3.700.000 жит. и от России не менее 216.000 кв. кил. с более чем 17 милл. жит., то она представляет из себя государство не менее чем в 343.000 кв. кил. с 29 милл. жителей, след., по своему протяжению она уступает в Европе только России, Франции, Германии и Швеции, а по численности населения только России, Германии, Великобритании, Франции и Италии.

Италия получила южную половину Тироля до Бреннера (следовательно, не только самую южную его часть с г. Триентом, говорящую

по-итальянски и издавна стремившуюся к соединению с Италией, но и среднюю, чисто немецкую, с городами Меран, Бриксен и др.; Герц и Градиску, Триест, часть Каринтии, и по миру в Рапалло большую часть населенной словенскими Истрии и часть чисто сербской Далмации с г. Зарой, всего около 25.000 кв. кил. с более чем полутора миллионными жителями.

О прирезках, полученных Сербо-Хорвато-Словенским государством и Румынией, будет сказано ниже.

Большая часть земель потеряна Австрийской империей безусловно. Только небольшой клочек земли около города Клагенфурта, на юге Каринтии, был объявлен спорным. Он был разделен на северную и южную зоны, в которых, по вопросу о принадлежности этой местности Австрии или Сербо-Хорвато-Словенскому государству, должен был быть произведен плебисцит сперва в южной зоне, потом в северной, если южная выскажется за переход к Югославии; если же она выскажется за Австрию, то северная остается за Австрией без всякого плебисцита. Смысл этой меры ясен: в южной зоне, граничащей с Югославией, с большим процентом сербского населения можно было скорее ожидать встретить славянские симпатии, и если она все-таки выскажется за Австрию, то в австрийских симпатиях северной нельзя уже сомневаться.

Однако в том, что южная выскажется за Сербию, державы, по-видимому, не сомневались. Поэтому в С. Жерменском мире было постановлено, что она отдавалась Сербии уже до плебисцита; Сербия должна была заранее занять ее своими войсками, распространить на нее сербское законодательство. Напротив, северная до плебисцита оставлена под властью Австрии и была занята ее войсками. Австрии была дана еще одна льгота, которой была лишена Германия в плебисцитарных районах: в состав комиссии, на которую было возложено управление плебисцитарной областью, был сверх пяти членов, назначенных великими державами, включен один член от Австрии, который имел голос только по вопросам, касавшимся северной зоны, так же, как один представитель Сербии, имевший голос по вопросам, касавшимся южной зоны.

Эти постановления, конечно, облегчали торжество Югославии, по крайней мере, в южной зоне. Тем не менее, плебисцит, произведенный 10 октября 1920 г., дал полное торжество Австрии, которая получила значительное большинство голосов, и таким образом весь Клагенфуртский район, без плебисцита в северной его зоне, остался за своим прежним властелином; притязания Сербии оказались необоснованными на политических симпатиях населения.

Югославия не пожелала добровольно признать это решение и немедленно заняла своими войсками весь Клагенфуртский плебисцитарный район, в том числе и северную его зону. Однако, по требованию Верховного Совета Антанты, она должна была ее очистить, чем инцидент и был исчерпан. Клагенфуртский район вернулся к Австрии.

Другой плебисцит был произведен в восточной половине австрийской Силезии (с г. Тешен), но не по вопросу о желании или нежелании остаться в пределах Австрии, а по вопросу о присоединении к Польше или к Чехо-Словакии. Итоги плебисцита должны были быть подведены по отдельным общинам, и исход его был настолько неопределенным, что союзные державы, производившие на его основании раздел приобретений двух новых государств, были поставлены в большое затруднение. Все-таки они этот раздел произвели; восточную половину плебисцитарной области они отдали Польше, западную — Чехо-Словакии. Пограничная линия прошла как раз через город Тешен, и самый город разделен между двумя государствами: восточная, более значительная часть города досталась Польше, западная, менее значительная, но с вокзалом — Чехо-Словакии; электрическая станция одному государству, газовый завод другому¹⁾.

Наконец, третий плебисцит, на территории бывшей Австро-Венгерской монархии, принадлежит к числу отсроченных на очень большой срок, больше даже, чем Саарский, — именно, на 25 лет. Он будет произведен в восточной половине Галиции (с г. Львовом, по-немецки Лемберг). Несмотря на ярко выраженное украинское национальное чувство местного населения, враждебного полякам, восточная Галиция отдана Польше, но с обязательством введения там автономии и произведения плебисцита в 1944 году.

Мы уже видели, что при разделе Германии принцип самоопределения народов последовательно проведен не был. Еще менее проведен он при разделе Австро-Венгрии: так, напр., в Чехо-Словакии 3¹/₂ милл., т.-е. около $\frac{1}{4}$ всего населения, притом занимающего сплошь целые значительные территории (северная полоса Богемии, непосредственно примыкающая к Германии, и югозападный ее угол, непосредственно граничащий с Австрийской республикой), признает своим родным языком немецкий и культурно и политически тяготеет к немецким землям: Австрии и Германии.

Сама Австрийская республика в целом открыто и определенно заявила о своем желании быть воссоединенной с Германией; то же желание было высказано в Германии и даже включено в текст германской конституции. Но державы решительно воспротивились этому; они включили в Версальский мир особую статью, предупреждающую возможность такого соединения:

«Германия признает независимость Австрии в тех границах, которые будут установлены договором между этими государствами и союзными державами; она признает эту независимость не отчуждаемой иначе, как с согласия Совета Лиги Наций» (ст. 80).

Позднее, когда Германия сделала попытку пригласить в свое Учредительное Собрание депутатов от Австрии, хотя только с совещатель-

¹⁾ По поводу этого „Соломонова решения“ иронизируют делегаты Соед. Штатов на парижской конференции в их книге-отчете: „What really happened at Paris. The story of the Peace Conference by the American Delegates“, Лондон, 1921, стр. 83.

ным голосом, державы увидели в этом (и совершенно основательно) предварительную меру к соединению двух стран и наложили свое вето.

В. Балканский полуостров с Румынией и Турция.

Из стран Балканского п-ва, если к ним причислять и *Румынию*, наибольшие прирезки получила именно она: она распространила свою власть на Буковину, Трансильванию, вост. часть Баната. В то же самое время она получила от России всю Бессарабию, и таким образом из государства, занимающего 131.000 кв. кил. с 7.235.000 жит., каким она была до балканской войны 1913 года, обратилась в государство, занимающее 316.000 кв. кил. с 17.393.000 жит.

Немного ей уступает *Сербо-Хорватско-Словенское* королевство, бывшая Сербия. Она получила от Австрии части Крайны и Штирии, большую часть Далмации; от Венгрии Хорватию, зап. Банат; от Австро-Венгрии Боснию и Герцеговину; от Болгарии три небольших пограничных полосы (более значительная—южная с г. Струмица) и присоединила к себе Черногорию. Однако, она не получила ни северной части Далмации с Зарой, ни Фиуме, ни Истрии, ни Албании, на которые она претендовала. До начала балканской войны (1912) Сербия занимала 48.303 кв. кил. с 2.912.000 жит., перед началом великой мировой войны 87.303 кв. кил. с 4.354.000 жит., теперь — 272.222 кв. кил.; число жителей сербское правительство определяет в 14.344.000, но, повидимому, эта цифра преувеличена.

Болгария потеряла в пользу Сербии три небольших участка по своей зап. границе; важнейший из них—южный, с г. Струмица; гораздо важнее для нее потеря в пользу Греции всего побережья Эгейского моря с г. Дедеагач, приобретенного в войну с Турцией 1912—13 г. Таким образом, Болгария вновь отрезана от Эгейского моря, к которому она издавна стремилась.

Греция приобрела от Болгарии ее владения по Эгейскому морю и от Турции всю ту часть Фракии, которая оставалась еще в турецком владении, с г. Адрианополь. В Малой Азии Греция получила почти весь Смирнинский (иначе Айдинский) вилайет с г. Смирна, но с тем, что через 5 лет после заключения мира (в 1925 г.) здесь будет произведен плебисцит по вопросу, кому желает принадлежать местное население: Турции или Греции. Таким образом, Греции принадлежит теперь весь европейский берег Эгейского моря, значительная часть (у Смирны) его азиатского берега и почти все острова на нем; в ее власти Галлипольский п-в и, следовательно, европейский берег Дарданелл и почти все европейское побережье Мраморного моря, кроме небольшой полосы у самого Константинополя, и, наконец, юго-западный берег Черного моря от Чаталджи до болгарской границы (значительно севернее города Мидия).

Однако, к этому нужно сделать оговорку: власть Греции над Галлипольским полуостровом, над побережьем Мраморного моря и даже

над некоторыми островами Эгейского моря, властвующими над входом в Дарданеллы (Имброс, Лемнос, Лесбос и др.), так же, как власть Турции над Босфором и азиатскими берегами Мраморного моря и Дарданелл, не полная: она ограничена контролем международной комиссии проливов. Комиссия состоит из представителей держав, заинтересованных в свободе судоходства по проливам; в ней имеются представители также и Турции и Греции. Имея в своем распоряжении международный военный отряд, она имеет своею задачей охрану свободы судоходства по проливам для судов всех наций мира. Укрепления, построенные на проливах, должны быть скрыты, и впрямь ни Турция, ни Греция не имеют права строить новых.

Наконец, Турецкую империю постигла та же судьба, что и Австро-Венгерскую монархию: она исчезла с карт Европы, Африки и Азии. Правда, в Малой Азии имеется еще территория, носящая это имя, но новая Турция имеет еще меньше общего с прежней Турцией, чем новая Австрийская республика с прежней Австро-Венгерской монархией.

Перед началом последнего цикла войн, т.-е. в 1911 году, Турция, даже без Египта с Суданом и других номинальных владений, насчитывала свыше 26 мил. жителей на площади в 2.974.000 кв. кил.; если же сосчитать и номинальные владения, то к этим цифрам нужно прибавить 3.700.000 кв. кил. с 14.700.000 жителей.

В войну с Италией (1911—12) Турция потеряла свои действительные африканские владения—Триполис и Барку—и часть островов Архипелага. В войну с маленькими балканскими государствами (1912—13) почти все свои европейские владения (кроме Константинопольского вилайета, Чатаджи, восточной половины Фракии с Адрианополем) и в мировую войну вступила, обладая территорией в Европе и Азии в 1.792.000 кв. кил. с 21 с половиною миллионов жителей.

По окончании мировой войны от нее остался только небольшой разоренный обломок: в Европе совсем маленький кусочек земли—Константинополь с ближайшими окрестностями, и Малая Азия, и то далеко не вся, всего около 400.000 кв. кил. с 8 милл. жителей.

Из Европы Турция изгнана: ее власть в Константинополе есть только тень власти. Константинополь есть резиденция международной комиссии проливов, а султан, не имеющий права строить крепости, держать флот и армию свыше ничтожного числа 700 солдат (в самом Константинополе и его окрестностях,—во всей стране может иметь армию в 50.000 чел.), не имеющий влияния на проход судов через проливы, не имеющий денежных средств и весь запутанный в долгах,—этот султан окончательно перестал быть монархом, а является только его тенью. По крайней мере, для Константинополя. Да и для Малой Азии: та отделилась от него и имеет в Ангоре свое правительство с Кемалем пашою во главе,—правительство революционно-националистическое, восставшее на султана во имя торжества ислама, турецкой национальности и борьбы с иностранным засильем,

что не мешает ему вести и дипломатические и коммерческие отношения с иностранцами.

В Малой Азии Турция потеряла на западе почти весь Смирнинский (Айдинский) вилайет с г. Смирной в пользу Греции, правда, с обязательством этой последней произвести в нем не позднее 1925 г. плебисцит по вопросу о желании местного населения остаться под новой властью Греции или вернуться к старой власти Турции. На востоке некоторые части Малой Азии отошли к Грузии, к Армении и к Сирии, трем пограничным с Турцией государствам. Из них Грузия составила главным образом из русского Закавказья и только отчасти из турецких владений по Черному морю (г. Трапезунд); напротив, большую половину Армении составляют бывшие турецкие владения и меньшую—русские.

Эти два государства—совершенно самостоятельные. Месопотамия, Сирия и Палестина не признаны таковыми. Мандат на управление Сирией дан Франции, двумя другими государствами—Великобританией, причем из Палестины предполагается создать государство для евреев.

В Аравии образовано несколько совершенно самостоятельных государств, из которых главное—Гиджаг.

Египет и Судан окончательно закреплены за Великобританией.

Г. Колонии.

Германия потеряла все свои колониальные владения, и они разделены между державами-победительницами: Англией, Францией, Бельгией и Японией.

Больше всех получила Англия: ей досталась в Африке территория в 1.905.000 кв. кил. с населением в 5.674.000 душ, в Австралии германские владения на Новой Гвинее с прилегающими к ней островами и в Полинезии группу островов Самоа, вместе около 242.000 кв. кил. с населением в 573.000 душ.

В особенности важны приобретения в Африке. Благодаря им (а также благодаря закреплению за нею Египта и Судана), Англия очень выгодно для себя округлила свои владения: они тянутся теперь широкою, непрерывною полосой в восточной половине Африки с севера до крайнего юга, от Средиземного и Красного морей до Атлантического и Индийского океанов; ей принадлежит на севере весь Египет от Красного моря до Ливийской пустыни, которая делится между нею, с одной стороны, и Италией и Францией—с другой; египетские владения Англии непосредственно граничат на юге с англо-египетским Суданом; этот последний с английской Угандой и английскими же Родезией, Бечуаналандом и Южно-Африканским Союзом. Полоса этих владений, правда, не везде подходит к самому морю. Судан отрезан от южных берегов Красного моря и северных берегов Индийского Океана Абисинией и итальянскими, а отчасти французскими владениями: Эритреей и Сомали; затем,

английская и бывшая германская, ныне тоже английская, Восточные Африки опять подводят Англию к морю, именно, к Индийскому океану; далее на юг португальская Восточная Африка отрезывает от моря английскую Родезию и северную часть Южно-Африканского Союза (Трансвааль), но затем на юге тот же Южно-Африканский Союз (Наталь) и Капландия выходят к обоим океанам.

Уже давно был готов проект великого железнодорожного пути от Капштадта на юге до Каира на севере, долженствовавшего пересечь всю Африку с юга на север; давно приступлено к его постройке, и значительные участки на юге и севере закончены задолго до войны. По прежнему проекту он должен был пересечь и соединить английские и немецкие владения. В настоящее же время он, очевидно, пойдет исключительно по английской почве, и нет сомнения, что его завершение—дело нескольких, притом очень немногих лет. Там, где 50 лет назад, разыскивая Ливингстона, затерянного в недоступных и никому неизвестных странах, бродил Стэнли, с трудом пробираясь по лесам и болотам, перебираясь вброд через бурные реки, там года через три—четыре засвистит и загрохочет локомотив.

Кроме этой длинной и широкой полосы, Англии принадлежат многие отдельные владения и на крайнем востоке Африки (английское Сомали), и на западе, между владениями французскими.

Франция получила в Африке территорию в 752.000 кв. кил. с населением в 3.209.000 душ; теперь ей принадлежит почти вся западная часть северной Африки, причем, однако, ее владения местами прерываются как владениями Англии, так и независимыми государствами, как Либерия, и полунезависимыми, как Марокко.

Бельгия занимает третье место в ряду держав, увеличивших свои африканские владения за счет Германии; она прибавила к своему Конго непосредственно примыкающую к нему часть германской восточной Африки с площадью в 50.000 кв. кил. и населением в 2.660.000 душ.

Япония получила в Китае Киао-Чау и в Австралии острова Каролинские, Маршалские, Марианские, вместе территорию с площадью в 3.000 кв. кил. и с населением в 260.000 душ.

Экономические условия мирных договоров.

А. Конtribusiии.

«Союзные и присоединившиеся к ним правительства признают Германию и ее союзниц ответственными,—и Германия согласна с этим,—за весь тот ущерб и за все потери, которые союзные и присоединившиеся к ним правительства и граждане их государств понесли вследствие войны, вызванной нападением Германии и ее союзниц», гласит статья 231, Версальского мирного договора, о которой я уже упоминал.

Из нее для Германии вытекает обязанность вознаградить этот ущерб, т.-е. уплатить контрибуцию.

Но союзные и присоединившиеся к ним правительства, говорит далее следующая (232) статья, признают, что «ресурсы Германии недостаточны, чтобы сполна вознаградить пострадавших за весь ущерб и за все потери, в особенности если принять во внимание уменьшение этих ресурсов, которое произойдет вследствие других постановлений настоящего трактата» (т.-е., очевидно, главным образом вследствие уменьшения территории Германии).

Во всяком случае, Германия обязана возместить весь тот ущерб, который причинен гражданскому населению союзных государств и его имуществу, вследствие разрушения, произведенного нашествием сухопутных, морских и воздушных сил Германии и ее союзниц (та же 232 ст.).

Таким образом, державы-победительницы отказываются от требования возмещения ущерба от разрушения крепостей, военных судов, аэропланов, военного снаряжения, казенных железных дорог и т. д., вообще, того ущерба, который понесли они, как государства, и довольствуются возмещением убытков, нанесенных частным лицам ¹⁾.

¹⁾ Поэтому они тщательно воздерживаются в текстах трактатов от термина „контрибуция“ и говорят о „репарации“, т.-е. о восстановлении. Впрочем, и в прежних мирных трактатах термин контрибуция обыкновенно не употреблялся; так, например, во Франкфуртском мирном трактате 1871 г. и в предшествовавшем ему Версальском предварительном мирном трактате говорилось только, что Франция уплатит Германии 5 миллиардов франков золотом или бумагами с прочным курсом.

Так сказано в статье 232.

Однако, в приложении к ней понятие «гражданского» населения значительно расширяется, и Германия признается обязанной взять на себя уплату пенсий всем потерявшим трудоспособность и семьям всех погибших вследствие военных действий, независимо от того, принадлежат ли эти жертвы войны к гражданскому населению в точном смысле слова или к составу армии; независимо от того, пострадали ли они в боях, вследствие обстрела, вследствие дурного обращения в плену, вследствие того, что эти лица во время оккупации сделали жертвами каких бы то ни было действий, «направленных против их здоровья, трудоспособности или чести», вследствие каких бы то ни было мероприятий, вызванных войной, и притом независимо от того, приняты ли эти мероприятия Германией, ее союзницами или даже противною стороною: раз Германия признается виновницей войны, то она отвечает и за последствия военных действий Франции, Англии или России.

Далее, она уплачивает союзным правительствам за ту поддержку, которую те должны были оказывать во время войны семьям мобилизованных и пленных.

Германия обязана вознаградить за все разрушения городов, деревень, частных железных дорог, за все взысканные ею во время войны контрибуции и произведенные реквизиции. Специально относительно Бельгии, как особенно пострадавшей, прибавлено, что Германия обязана за нее выплатить все те суммы, с наросшими на них процентами, которые та получила заимообразно от союзников за время войны вплоть до дня перемирия—11 ноября 1918 года.

Таково общее обязательство, которое падает на Германию. Сумма его, однако, здесь не определена, как не определена и в остальных частях трактата.

Ее должна определить особая репарационная (восстановительная) комиссия.

Эта репарационная комиссия состоит из делегатов, назначаемых следующими 7 державами: Соединенными Штатами, Великобританией, Францией, Италией, Японией, Бельгией и Сербией, причем постоянными ее членами являются только делегаты первых четырех держав, а пятым членом—один из делегатов остальных трех держав, из которых каждый участвует только в решении определенного круга вопросов; более 5 членов не могут участвовать с решающим правом голоса в одном и том же заседании комиссии. Могут назначать своих делегатов и другие заинтересованные державы, но они пользуются только совещательным голосом. Постоянным местопребыванием комиссии назначается Париж, но она может заседать и в других местах, смотря по надобности.

Первая и главная задача репарационной комиссии—точно определить размер той денежной контрибуции, которую, согласно уже указанным принципам, можно требовать с Германии. Сумма эта, как мы уже видели, не только не определена в тексте мирного трактата, но очень неопределенна: принципы, согласно которым она должна

быть назначена, весьма растяжимы. Растяжимость особенно увеличивается тем, что на Германию возлагается обязанность возместить ущерб, причиненный не только ею самою, но и ее союзниками, а между тем союзники и сами несут материальную ответственность за свои действия. С другой стороны, неопределенность размеров контрибуции увеличивается тем, что ресурсы Германии не покрывают причиненный ею вред, а контрибуция, очевидно, не может превосходить того, что с нее можно взыскать. Из решающей величиной в определении размеров контрибуции является не размер ущерба, причиненного Германией, а ее платежеспособность; в тексте мира с Австрией, как мы увидим ниже, это сказано яснее, но существо дела в обоих мирных договорах одно и то же.

Для осуществления своей задачи репарационная комиссия следовательно, обязана выяснить, во-первых, размеры убытков, причиненных Германией и ее союзниками Франции, Бельгии и другим, а во-вторых,—и это главное,—определить ресурсы Германии, т. е. то, что она в состоянии уплатить при самом крайнем напряжении своих платежных сил.

Задача, очевидно сложная и большая. Для ее осуществления репарационная комиссия должна иметь в своем распоряжении значительную канцелярию, не мало всяких должностных лиц и агентов; всех их назначает она сама и всем им определяет размеры вознаграждения и путевых издержек. Порядок ведения ею дел не только не определен мирным трактатом, но в нем прямо сказано, что в своих действиях репарационная комиссия «не связана никаким кодексом законов или правил, но руководствуется принципами правосудия, справедливости и добросовестности»¹⁾.

Германия имеет право представлять всевозможные данные, могущие уяснить комиссии положение дел, и комиссия обязана принимать от нее письменный материал и выслушивать показания ее свидетелей. В свою очередь, комиссия имеет право требовать от Германии сообщения всех необходимых для нее сведений об ее бюджете и налогах и следить за тем, чтобы обязательства Германии, вытекающие из Версальского мира, погашались раньше, чем удовлетворялись какие бы то ни было другие нужды (ст. 248).

Заседания комиссии ведутся втайне, если сама комиссия не делает особого постановления.

Окончательно определить размеры денежной контрибуции и способы ее погашения комиссия должна к 1 мая 1921 г. После этого срока она, однако, не прекращает своего существования; как мы сейчас увидим, Германия, кроме денежной контрибуции, уплачивает еще контрибуцию различными товарами, и их количество, меняю-

¹⁾ Версальский мир, часть VIII (статьи 231—244), приложение 2, § II. Это неосторожное выражение мирного трактата, конечно, нужно понимать в ограничительном смысле: ведь самый трактат есть закон, а в нем указан, хотя и далеко не исчерпывающим образом, ряд постановлений, определяющих поведение комиссии, которые, без сомнения, ее связывают.

щеся из года в год, должна и впредь определять репарационная комиссия; на нее же возлагается обязанность принимать от Германии платежи, контролировать всю экономическую жизнь Германии, следя за тем, чтобы Германия не укрывала своих доходов, не создавала фиктивных расходов; комиссия может также расерочить и отсрочить платежи на более долгие сроки, чем это было установлено раньше, и т. д. Комиссия прекратит свое существование только тогда, когда Германия уплатит все свои долги, вытекающие из Версальского трактата.

Контрибуция признается двух родов.

1) Денежная.

2) Вещная.

Размеры денежной должны быть определены репарационной комиссией. Но помимо уже указанных выше общих принципиальных оснований, которыми она обязана руководствоваться, в самом трактате имеется несколько, хотя и неполных, цифровых данных, а именно:

Немедленно по вступлении в силу Версальского договора и во всяком случае не позднее 1 мая 1921 г., т.-е. дня, когда комиссия закончит первую часть своей задачи, Германия обязана уплатить союзникам 20 миллиардов марок золотом.

Кроме того, немедленно Германия выдает долговые обязательства на предъявителя, на сумму в 40 миллиардов золотых марок, по которым течение процентов начинается с 1921 г., притом сперва, в первые 5 лет, по 2½%, потом по 5%.

Едва ли легче и контрибуция вещная, охватывающая целый ряд предметов, за потерю которых Германия должна вознаградить союзников.

Прежде всего Германия обязана возместить все потери торгового флота союзников, тонна за тонну. Но так как число торговых судов союзников, потопленных во время войны немцами, значительно, чем весь нынешний торговый флот Германии, то

а) Германия отдает союзникам все торговые суда, принадлежащие ее гражданам или ее торговым компаниям, с водоизмещением свыше 1.600 тонн, половину судов от 1.000 до 1.600 тонн и одну четверть тоннажа рыбацких пароходов и судов;

б) Германия обязуется строить на своих верфях для союзников, но за их счет, до 200.000 тонн различных судов ежегодно. Характер, размеры судов и т. д. будет определять репарационная комиссия; она же будет назначать размеры платы за них, которая будет вычитаться из других платежей Германии.

С своей стороны, Германия отказывается от всяких претензий к союзникам за ее суда, потопленные ими.

Германия отдает союзникам значительное число своих морских кабелей,—однако, за плату, которая будет вычтена из ее контрибуции.

Германия вознаграждает союзников за разрушенные локомотивы, вагоны, фабричные машины, за погубленных сельско-хозяйственных

животных и т. д.; число их будет определено репарационной комиссией по данным, которые представят правительства Франции, Бельгии и других стран. Но раньше, чем будет определено это число, в трехмесячный срок по вступлении мирного договора в силу, Германия обязана передать Франции 500 жеребцов в возрасте от 3 до 7 лет, 3.000 жеребят и кобыл в возрасте от 1½ до 3 лет арденской, булонской или бельгийской породы, 2.000 быков в возрасте от 1½ до 3 лет, 90.000 дойных коров в возрасте от 2 до 6 лет, 1.000 баранов, 100.000 овец, 10.000 коз. Бельгии она же обязана передать тех же животных в 2—5 раз меньшем количестве (причем для жеребцов и кобыл указана одна только бельгийская порода) и сверх того 40.000 телят и 15.000 свиней. «Выдаваемые животные должны быть нормального здоровья и достоинства».

Далее, Германия обязывается в возмещение за разрушение угольных копей Франции, помимо уступки ей своих копей в Саарском бассейне, доставлять ей ежегодно в течение 10 лет уголь в количестве, равном нехватке в добыче угля во Франции до довоенной нормы, причем это количество не должно превышать в первое пятилетие 20 миллионов тонн в год, во второе—8, и, сверх этой нехватки, ежегодно 7 миллионов тонн. Количество будет в точности определяться для каждого года репарационной комиссией. Бельгии она должна выдавать в течение тех же 10 лет по 8 миллионов тонн, Италии от 4½ до 8½ миллионов тонн, некоторое небольшое количество также Люксембургу. Все максимальное количество угля, которого можно потребовать от Германии, в первое 5-летие колеблется от 40 до 44 милл. тонн, во второе—32. Это делается за плату, размеры которой определяются репарационной комиссией¹⁾.

¹⁾ До войны Франция добывала около 40.000.000 тонн угля; в 1920 г., присоединив к себе угольные копи Саарского бассейна и Эльзас-Лотарингии, она добыла 33.000.000, в первое полугодие 1921 г.—18.000.000, следовательно, если во второе полугодие не произошло убыли, в год около 36 миллионов. Таким образом, нехватка в добыче угля равняется в эти два года 7—4 миллионам тонн. Германия, очевидно, обязана доставлять ей именно это количество, и сверх того 7 миллионов тонн. Эти 7 милл. тонн ни в каком случае не могут считаться „возмещением“ и имеют характер своеобразной угольной дани, хотя и за плату,—дани, которая имеет целью поднять промышленность Франции и затруднить промышленность Германии.

Германия до войны добывала каменного угля около 190 милл. тонн в год, следовательно, она может быть принуждена выдавать до четверти своей прежней добычи. Но эта цифра не могла остаться неизменной: ведь Германия потеряла весьма обильный угольный бассейн, Саарский, а также Эльзасский. В 1920 г. на уменьшившейся территории она добыла 130 милл. тонн, в первые 8 месяцев 1921 г.—83,8 милл. Но в конце 1921 г. она потеряла еще Верхне-Силезский угольный бассейн, и добыча угля должна была сократиться еще больше, цифры из № 9, за 1921 г., «Bulletin Mensuel de Statistique», официального издания Лиги Наций, Женева. За последние месяцы 1921 г., к сожалению, не располагаю цифровыми данными). Необходимо указать, впрочем, что Германия кроме каменного угля располагает значительными залежами бурого угля (лигнита), и его добыча в настоящее время не только не уменьшилась, но даже увеличилась сравнительно с довоенной.

Далее идет довольно длинный перечень разных товаров, которые Германия обязана доставлять союзникам в различных, не особенно значительных количествах.

Наконец, Германия возвращает: а) Францию — трофеи (знамена и др.), архивы, произведения искусства, увезенные ею из Франции в войну 1870 — 71 г. и в настоящую войну, по списку, который представит Франция; б) Геджасу — оригинальный экземпляр корана, принадлежавшего калифу Осману, который был взят в Медине турецкими чиновниками и поднесен императору Вильгельму II; в) Бельгии — картины, увезенные из нее, и должна вознаградить ее за погибшие при обстреле Лувена книги, рукописи, коллекции тамошнего университета; способ вознаграждения будет определен репарационной комиссией, и т. д.

Такова контрибуция, которую, согласно Версальскому миру, обязана уплатить Германия.

К 1 мая 1921 г. репарационная комиссия действительно окончила первую часть своей работы и определила денежный размер германской контрибуции в 132 миллиарда марок золотом.

В эту цифру, конечно, не входят очень значительные ежегодные расходы на содержание оккупационной армии, также расходы самой репарационной комиссии и некоторые другие, которые тоже лежат на Германии.

Так как контрибуция назначена не в возмещение собственно военных расходов отдельных государств, а в вознаграждение за причиненные войной разрушения, и предназначается для восстановления этих разрушений и опустошений, то между этими отдельными государствами она распределяется в зависимости от понесенных разрушений: всего больше, целых 52% контрибуции, получит Франция, 22% Великобритания с ее колониальными владениями, 10% Италия, 8% Бельгия, остальные 8% распределятся между Югославией, Румынией, Грецией, Португалией и другими. Это распределение сделано, конечно, не в мирном трактате, а есть результат работы репарационной комиссии ¹⁾.

¹⁾ Чтобы конкретно уяснить читателю размеры контрибуции, я приведу два сравнения.

1. Вся сумма золота, имевшаяся на всем свете в 1915 г., в монете, слитках и венцах, определялась в 85 миллиардов франков, т. е. в 68 миллиардов марок. Следовательно, если собрать все золото со всего света из казначейств, из банков, из карманов частных лиц, сорвать все кресты с груди священников и светских лиц, все обручальные кольца и перстни с пальцев и сережки из женских ушей, золотые пломбы и коронки со всех запломбированных зубов, и т. д., то всего этого хватит для уплаты только половины контрибуции.

2. К 1910 году железнодорожная сеть всех пяти частей света равнялась приблизительно миллиону верст (1.057.000 километров). В нее был вложен капитал, равный 198 миллиардам марок золотом. Таким образом, контрибуция, которую будет обязана уплатить Германия, равняется двум третям всей — не германской только, а всей мировой — железнодорожной сети; что же касается германской сети, то ее протяжение в 1910 г. — 60.000

Совершенно аналогичные постановления имеются в Сен-Жерменском мире, касающемся Австрии, и Трианонском, касающемся Венгрии. Ресурсы всех этих стран признаны недостаточными, чтобы покрыть ущерб, причиненный их военным нападением на союзников; для всех них создаются репарационные комиссии, которые составляются и действуют на основании тех же общих принципов, с некоторыми, не особенно существенными отклонениями. Так, например, австрийская репарационная комиссия состоит из 6 постоянных членов, назначаемых 5 великими державами и Бельгией, и 5 членов, назначаемых Сербией, Грецией, Румынией, Польшей и Чехословакией, заседающих в ней только в известных случаях. Та же самая комиссия действует для Венгрии и Болгарии.

«Австрия должна уплатить в течение 1919, 1920 и первых четырех месяцев 1921 г. в те сроки и таким способом (золотом, кораблями, бумагами или иным), которые будут установлены репарационной комиссией, ту разумную сумму (sic), которую определит репарационная комиссия» (ст. 181 Сен-Жерменского мира); тут нет даже тех цифровых данных, которые имеются в Версальском мире.

Точно так же, как и на Германию, на Австрию возложена также

километров, а стоимость—18 миллиардов марок. Следовательно, Германия должна уплатить более, чем усмирненную стоимость всей своей железнодорожной сети.

Кроме того, можно заметить, что контрибуция падает на душу германского населения в размере 2.200 золотых марок.

Читатель может поставить вопрос: в каком отношении находится эта контрибуция к действительно произведенным военным расходам? Действительно ли всех богатств Германии мало, чтобы вознаградить державы хотя бы за потери частных лиц, в том объеме, в каком это указано в мирном договоре? Добросовестно ли произвела свой расчет репарационная комиссия?

У меня нет данных, чтобы уверенно ответить на последние два вопроса. Но на первый—об отношении контрибуции к военным расходам—ответить, хотя бы приблизительно, не трудно.

Государственный долг Великобритании перед началом войны равнялся 711 миллионов фунтов стерлингов; в 1920 г. — 8.079 миллионов фунтов. Следовательно, за время войны государственный долг Англии вырос на 7.368 миллионов, или на 147 миллиардов марок. Это, конечно, далеко не все военные расходы Англии; она веда их и при помощи прямо невероятного напряжения платежных сил своего населения, и при помощи выпуска бумажных денег; а кроме того в эту цифру как раз не включен ущерб, понесенный частными лицами. Следовательно, расходы Англии, вызванные войной, значительно превышают эту сумму, а вся германская контрибуция на 15 миллиардов марок ниже ее; между тем, Великобритания получит только немногим более одной пятой доли этой контрибуции (29 миллиардов марок).

Государственный долг Франции вырос более, чем на 270 миллиардов франков, или на 216 миллиардов марок; следовательно, вся германская контрибуция покрывает немногим более половины, а французская ее доля немногим более четверти военных в тесном смысле слова расходов Франции, не говоря уже об испытанном ею разорении и потерях частных лиц.

Следовательно, можно сказать с уверенностью, что державы имели полное основание включить в мирный договор утверждение, что всех ресурсов Германии не хватит, чтобы возместить причиненный ею ущерб.

значительная вещная контрибуция. Она признается обязанной возместить причиненные ею потери торгового флота союзников, тонна за тонну; а так как эти потери превышают численность всего австрийского торгового флота, то Австрия обязана отдать его весь. Она, как и Германия, обязана отдать значительное число, которое будет определено ренарационной комиссией, локомотивов, вагонов, скота; немедленно она, как и Германия, тоже должна отдать определенное число голов скота Италии, Югославии и Румынии. В соответствии со скромными территориальными размерами Австрии (ведь речь идет не о бывшей Австро-Венгрии, а о современной маленькой Австрийской республике) и ее скромными ресурсами, эти числа гораздо ниже германских: так, она обязывается к немедленной отдаче 4000 дойных коров Италии, по 1000 Югославии и Румынии, всего 50 быков Италии и по 25 Югославии и Румынии и т. д.

Значительно требовательнее Сен-Жерменский мир в том, что касается науки и искусства; это имеет свое объяснение в том, что Габсбурги искони отличались более тонким вкусом и, может быть, еще большею бесцеремонностью в этом отношении, чем Гогенцоллерны. Австрия обязана вернуть Италии, а также Бельгии, Польше и Чехословакии, громадное количество картин, редких рукописей, редких произведений ювелирного искусства, и т. д., похищенных ею из Неаполя, Палермо, Модены, Брюсселя, Варшавы и т. д. в прежние годы, начиная с 1718. Так, из Неаполя в 1718 г. было увезено в Вену 98 различных редких рукописей, из Палермо около 1.200 различных предметов, из Варшавы в 1772 г. ценный золотой кубок и т. д. Все это должно быть возвращено по спискам итальянского и других правительств, под контролем специальных комиссий.

Срок для определения денежной контрибуции с Австрии — тот же самый, что и для Германии: 1921 г., и, следовательно, контрибуция теперь должна уже быть определена. К сожалению, размеры ее остаются мне неизвестными, вследствие отсутствия в Петербурге необходимых материалов.

Мир с Болгарией, подписанный в Нелли, несколько отличается от предыдущих. Ответственность Болгарии за войну признана в выражениях более мягких и менее оскорбительных для национального самолюбия, а именно:

«Болгария признает, что, присоединившись к агрессивной войне, которую начали Германия и Австро-Венгрия против держав союзных и присоединившихся к ним, она причинила этим последним потери и принудила к жертвами всякого рода, за что она должна их вполне вознаградить.

«С другой стороны, говорится далее здесь, как и в предыдущих трактатах, державы признают, что ресурсы Болгарии недостаточны, чтобы сделать возможным такое полное вознаграждение».

И тут же указывается точно определенная сумма, которую Болгария обязана уплатить союзникам, а именно: $2\frac{1}{4}$ миллиарда франков золотом. Сумма эта должна уплачиваться равными полугодовыми взносами, начиная с 1 июля 1920 г. и кончая 1 июля 1927 г.,

причем на неуплаченную часть насчитываются проценты, течение которых начинается с 1 янв. 1920 г.; в первые полтора года по 2⁰/₀ годовых, а затем по 5⁰/₀ (статья 121) ¹⁾.

Имеется и вещная контрибуция, и так же точно определенная в самом мирном трактате, и притом значительно ниже (не только абсолютно, но и на душу населения), чем соответственная часть германской, австрийской или венгерской контрибуции. Так, в возмещение за увяд и истребление во время войны скота Болгария отдает Греции 15, Румынии 60, Югославии 50 быков, 1500, 6000 и 6000 молочных коров, 1800, 3400 и 4000 волов, 6000, 15000 и 12000 баранов, 2250, 5250 и 5000 лошадей, 450, 1050 и 1000 мулов.

В возмещение за разрушение сербских угольных копей Болгария обязывается вывозить в Югославию в течение 5 лет по 50000 тонн угля ежегодно, и притом вывозить бесплатно.

Что касается памятников искусства, то таковых в Болгарии мало; однако, кое-какие архивные документы и некоторые предметы, «представляющие археологический, исторический или художественный интерес», которые во время войны были увезены болгарами с территорий сербской, румынской и греческой, болгары обязуются разыскать и возвратить по принадлежности» (ст. 126).

Особой репарационной комиссии для Болгарии не создается, но на нее распространяется власть той самой комиссии, которая действует для Австрии. Однако, в помощь ей дается особая «международно-союзническая комиссия» (*interalliée*), в которую своих делегатов назначают Великобритания, Франция и Италия (ст. 130).

Такова контрибуция, наложенная на побежденные государства в пользу победителей. Кроме того, во всех договорах делается указание на то, что Россия сохраняет право потребовать с Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии, Турции вознаграждения за причиненный ей войною ущерб, на основаниях, установленных этими договорами (ст. 116 Версальского договора).

Б. Другие экономические условия.

Контрибуцией в ее различных формах не ограничивается экономическое бремя, которое возложено на побежденных.

В области торговых отношений прежние войны обыкновенно заканчивались заключением торгового соглашения на начале признания сторонами прав «наиболее благоприятствуемой державы» на

¹⁾ Как ни значительна эта контрибуция, равняющаяся почти половине контрибуции, уплаченной Францией в 1871 г. и в свое время поразившей мир своей громадностью, она все же значительно ниже немецкой не только абсолютно, но и относительно: контрибуция германская падает на душу населения в размере 2200 марок, т. е. 2700 франков золотом, а болгарская в размере 510 франков. Конечно, болгарское население гораздо беднее германского, но не в пять раз. Точных исчислений болгарского национального богатства и дохода не существует.

начале взаимности. Такое соглашение, напр., включено во Франкфуртский трактат 1871 г.

Парижская конференция исходила прямо из противоположного принципа. Еще в 1916 г., тоже в Париже, собралась другая конференция союзных держав (в которой тогда принимала участие и Россия); на которой обсуждался и был решен в положительном смысле вопрос о наложении на Германию по окончании войны особого торгового бойкота. И это сделано Версальским миром.

Германии запрещено взимать с товаров, ввозимых из союзных стран, какие бы то ни было пошлины, превышающие пошлины, взимаемые ею с какой бы то ни было другой державы; налагать пошлины на вывозимые из нее в одну из этих стран товары, которые она не налагает на товары, вывозимые в какую бы то ни было другую страну; ставить торговлю сухопутную или морскую, въезд в Германию или пребывание в ней граждан этих стран в условия, в каком бы то ни было отношении более стеснительные, чем торговлю, судоходство или граждан какой бы то ни было другой (не союзной) страны. Вообще, каждую из союзных стран Германия обязана трактовать, как «наиболее благоприятствуемую державу», но—без начала взаимности. Если Германия даст, напр., в силу торгового договора какое-нибудь преимущество товарам или гражданам Швейцарии, Швеции или Австрии, то она обязана немедленно же распространить это преимущество и на Англию, и на Францию, и на Соединенные Штаты, и на все другие союзные и присоединившиеся державы, а те не только не обязаны ответить ей аналогичной льготой, но имеют ничем не ограниченное право немедленно же наложить только на германские товары какую-либо дополнительную пошлину, запретить или обложить пошлиной вывоз своего товара в Германию, установить какое-нибудь затруднение для германского судоходства в своих гаванях, запретить или затруднить въезд немцев в свою страну, и т. д.

Совершенно то же самое установлено и относительно других побежденных стран, не исключая и Болгарии, к которой державы-победительницы отнесли сравнительно снисходительно.

Но для Германии имеется еще несколько весьма существенных дополнительных условий: в течение 5 лет она обязана допускать совершенно свободный, не оплачиваемый никакими, ни вводными, ни выводными, пошлинами торговый обмен товаров с Эльзас-Лотарингией и в течение трех лет—с отторгнутыми от Германии частями Польши, причем ни Франция, ни Польша не обязаны отвечать ей взаимностью.

Эти экономические обязательства являются очень существенным добавлением к контрибуциям.

Наконец, необходимо указать еще на отношение мирных договоров к частной собственности германских, австрийских, венгерских, болгарских граждан.

Мирные договоры устанавливают за союзными державами право (с некоторыми, особо оговоренными, ограничениями) ликвидировать

всякую частную собственность каждого гражданина побежденной страны, находящуюся на их территории. При ликвидации признается обязательность уплаты выкупной суммы, размеры которой определяются по законам страны, производящей ликвидацию (ст. 297 германского договора, 177 болгарского).

В. Финансовые условия (государственные долги).

Все доходы Германии и германских государств предназначаются прежде всего на уплату вознаграждения союзникам и исполнение других обязательств, возложенных на нее мирным договором, и только излишек, остающийся за исключением этих обязательств, может быть употреблен на внутренние нужды Германии и на уплату процентов по другим ее долгам, — таково основное положение в финансовой области, принятое Версальским миром. Оно смягчается тем, что репарационной комиссии предоставлено в отдельных случаях допускать исключения из этого правила (ст. 248).

Долю государственных долгов Германии и германских государств (Пруссии и Баварии), которая приходится на территории, отходящие от Германии к соседним государствам, берут на себя эти государства, — но только тех долгов, которые были сделаны до начала войны. Весь долг, заключенный Германией после 1 авг. 1914 г., в полном объеме остается на уменьшившейся территориально Германии и Пруссии, и ни одной копейки из него не берут на себя ни Бельгия, ни Дания, ни Польша, ни, тем менее, Франция ¹⁾.

Расчет долей довоенного долга, возлагаемый на Данию и Польшу, производится следующим образом. Высчитывается средний доход, получавшийся германским и прусским казначействами в последние перед войной годы с земель, переходящих от Германии к Бельгии, Дании и Польше, и пропорционально той доле, которую занимал этот доход в общем германском и прусском государственном доходе, определяется доля долга. Из нее, однако, делаются еще некоторые вычеты, уменьшающие эту долю. Так, на репарационную комиссию (которая производит все эти расчеты) возлагается трудно исполнимая обязанность высчитать, какая часть государственного долга Пруссии создана специально германизаторскими мероприятиями в польских землях, и ни один пфенниг из этой части долга не должен лечь бременем на Польшу.

Эльзас-Лотарингия переходит к Франции чистою от германских долгов «в виду того, что Германия в 1871 г. отказалась взять на себя соответствующую часть французского государственного долга» (ст. 255).

¹⁾ Соотношение этих долгов таково: до войны долг Германии равнялся 5.157 миллионов марок, 1 апреля 1919 г. — 156 миллиардов. Следовательно, за время войны заключено новых долгов на сумму свыше 150 миллиардов; довоенный долг составляет $\frac{1}{30}$ всего долга.

Те же самые принципы относительно порядка уплаты контрибуции, а также относительно государственных долгов, установлены и в других мирных договорах ¹⁾. Но для Австрии и Венгрии они имеют особенное значение: если Германия потеряла всего около десятой своей территории и своего населения, то Австрия и Венгрия вместе составляют только одну треть бывшей Австро-Венгерской монархии; между тем, именно они обязаны нести весь военный долг всей монархии. Чехо-Словакия, Польша и др. страны, расширившиеся за счет Австро-Венгрии, не несут ни копейки военного долга.

¹⁾ Не имея текста мира с Турцией, я не могу говорить с уверенностью о распределении турецкого долга.

VI.

Политические и правовые условия мирных договоров.

Как мы уже видели, для Германии, как равно и для ее союзниц, в лице иностранных репарационных комиссий созданы особые правительства, стоящие над их национальными. Постановления первых обязательны для вторых, и первые имеют право контролировать всю систему налогов, следить за расходом денег вторыми и требовать от них отчетов.

В Лигу Наций Германия до сих пор не принята, и принятие ее туда отложено на неопределенное время. На Австрию и Болгарию это, однако, не распространяется.

Германия и ее союзницы, заключая Версальский, Сен-Жерменский и др. мирные договоры, конечно, этим самым отказывались от выгодного для них Брест-Литовского мирного договора с советской Россией и Бухарестского с Румынией. В тексте Версальского договора это выражено след. образом:

«Германия признает окончательную отмену Брест-Литовского договора, равно как всех других договоров и соглашений, которые она заключила, со времени максималистской (sic) революции в ноябре 1917 г., с правительствами или политическими группами, которые образовались на территории бывшей Российской империи» (ст. 116).

В тексте болгарского мира это выражено несколько иначе:

«Болгария признает окончательную отмену Брест-Литовского договора, равно как всех других договоров, соглашений и конвенций, заключенных ею с максималистским (sic) правительством в России» (ст. 58).

В других статьях перечисляются различные другие договоры, которые давали Германии какие-нибудь выгоды (напр., касающийся Марокко или других внеевропейских владений), и которые теперь признаются отмененными.

Стремясь предупредить всякую возможность для Германии и ее союзниц реванша не только в близком, но и в отдаленном будущем, союзные державы приняли следующие постановления.

Германия сохраняет только несколько военных судов второстепенного значения; все остальные военные суда, в момент заклю-

чения мира находящиеся в германских гаванях, должны быть разоружены и обращены в суда торговые. Подводных лодок Германия вовсе не имеет права ни строить, ни держать, хотя бы даже они служили только торговле. Весь военный флот Германии, в момент заключения мира находившийся не в германских портах, должен быть передан союзникам.

Между тем, большая часть флота находилась как раз не в германских гаванях, а была интернирована в проливе Scapa Flow (между несколькими Оркнейскими островами, у Шотландии). Добиться исполнения последнего постановления союзникам, однако, не удалось: командовавший этой флотилией германский адмирал Рейтер за неделю до подписания мира, 21 июня 1919 г., распорядился потопить ее, что не было исполнено по отношению только к одному броненосцу и 5 легким крейсерам.

Германская сухопутная армия должна впредь состоять не более чем из 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий и не должна превышать 100.000 человек, включая офицеров (т.-е. около $\frac{1}{60}$ населения страны,—в 6 раз меньше, чем Германия держала в мирное время). «Вся армия должна употребляться исключительно для охраны внутреннего порядка и для защиты границ» (ст. 160). В соответствии с этим, должна быть сокращена и артиллерия, и в тексте договора точно указано число орудий разного калибра, приходящихся на отдельные части германской армии.

Всеобщая воинская повинность отменяется, и Германия обязана перейти к системе комплектования армии по добровольному найму, причем для нижних чинов (чтобы предупредить возможность частых смен комплектов и образования в стране значительных кадров военно-обученных лиц) срок найма должен быть не ниже 12 лет, а для офицеров—не ниже 25 лет. Запрещаются всевозможные фрейны, имеющие своей задачей обучать своих членов употреблению военного оружия, вообще, запрещается всякое военное обучение, кроме как в армии.

В составе вооруженных сил Германии не должно быть никаких летательных снарядов. Напротив, аэропланы союзных держав имеют право летать над Германией и спускаться в ней повсеместно, пока в ней остается оккупационная армия.

Как было уже сказано, к западу от Рейна, а также в полосе шириной в 50 километров к востоку от него (следов., во всем Рейнланде и Пфальце, почти во всем Бадене, в части Гессена Нассау с г. Франкфуртом на Майне и Гессена, в небольшой части Вюртемберга и Вестфалии), Германия должна скрыть все укрепления и не имеет права ни держать там войск, ни производить каких бы то ни было передвижений; на о-ве Гельголанде должны быть разрушены все укрепления и все портовые сооружения. В прибрежной полосе шириной в 50 километров по берегам Балтийского и Немецкого морей Германия может сохранять существующие укрепления, но не должна перестраивать и укреплять их заново, точно так же, как

строить там новые крепости. Короче, приняты все меры к тому, чтобы Германия навсегда потеряла всякое военное значение.

Совершенно аналогичные постановления сделаны и для других побежденных стран. Сухопутные армии Австрии и Венгрии сведены к 30.000 человек для каждой (т.-е. около $\frac{1}{2}\%$ населения, относительно раза в три больше, чем в Германии), Болгарии к 20.000, Турции к 50.000; всем им запрещена военная авиация.

До сих пор в области правовой и политической мы имели дело по преимуществу с постановлениями, продиктованными боязнью реванша и совершенно чуждыми той идее равноправия народов, которая лежала в основе Вильсоновской программы. Но в мирных договорах имеются и другие постановления, несомненно, вытекающие из уважения к правам национальностей.

Во все мирные договоры, кроме германского, включены постановления о защите и покровительстве национальных меньшинств. В германский они не включены, очевидно, только потому, что, после потери Эльзаса, сев. Шлезвига и польских областей, Германия населена исключительно немцами ¹⁾ и в подобных постановлениях не нуждается.

Содержание этих постановлений таково.

Каждое государство, в мирном договоре с которым они имеются, обязуется давать всем жителям своей страны одинаковую защиту жизни и свободы независимо от их рождения, национальности, расы или религии. Все жители имеют право богослужения по своей религии. Все граждане должны быть равны перед законом и пользоваться одинаковыми правами политическими и гражданскими, в том числе и правом поступления на службу, без различия расы, языка и религии. Не должно быть никаких ограничений в пользовании своим языком в личных отношениях, в торговле, в богослужении, в печати, в публичных собраниях. Должны быть приняты меры, облегчающие людям, принадлежащим к национальным меньшинствам, пользоваться своим языком, — устно или письменно, — на суде. Лица, принадлежащие к национальным или религиозным меньшинствам, должны иметь право и свободу устраивать на свой счет, управлять и контролировать ведение дела в собственных школах, церквях и благотворительных учреждениях. Там, где имеется значительное (*considérable*) иноязычное национальное меньшинство, правительство должно содействовать тому, чтобы в начальных школах дети, принадлежащие к этому меньшинству, могли учиться на родном языке, что не мешает правительству делать обязательным в этих школах также и преподавание государственного языка; поскольку школа или церковь существуют на государственные или местные общественные средства, постольку на церковь иноверную или школу иноязычную в местностях, где имеется значительное (*considérable*) иноязычное или иноверное меньшинство, должны

¹⁾ Небольшое число поляков Верхней Силезии, которые к тому же голосовали за их оставление в Германии, очевидно, в счет не идет.

расходовать государственные или местные средства пропорционально численности населения иноверного или иноязычного ¹⁾. Все эти постановления находятся под защитой Лиги Наций.

В этих постановлениях, несомненно направленных к уничтожению произвола, имеется, однако, и такая сторона: все они имеют односторонний характер; они не принимаются добровольно государствами, а вынуждаются у них силой оружия и являются как бы лишним поводом к постороннему вмешательству в их дела. Италия, в состав которой вошло теперь значительное иноязычное население, не знает подобных постановлений, и австро-немецкое или сербское меньшинство в Италии подобной защиты своих прав не имеют.

Но это смягчается тем, что совершенно аналогичные постановления имеются также в соглашениях великих держав с Польшей, Чехо-Словакией и Румынией, т.-е. со странами, принадлежащими к числу союзных, и в польском договоре они развиты в некоторых отношениях даже детальнее, чем в австрийском или болгарском. А именно, в нем державы обнаружили особенную заботливость о евреях и установили, что евреям нельзя предписывать действий, связанных с нарушением святости субботы, что, впрочем, не относится до отбывания воинской повинности в общем порядке и не должно стеснять правительство в принятии необходимых мер к охране общественного порядка.

Общими правами, предоставленными национальным меньшинствам, пользуются и немцы; но в ст. 9 договора с Польшей, устанавливающей право национальных и религиозных меньшинств, при их «значительной» численности в какой либо определенной местности, на особенные школы и церкви на государственный или общественный счет, специально для немцев (и только для них одних) сделана такая оговорка: «постановления настоящей статьи применяются к польским гражданам немецкой речи только в той части Польши, которая до 1 августа 1914 г. была германской территорией». Таким образом, ни в бывшей австрийской, ни в бывшей русской Польше немцы не пользуются общими правами национальных меньшинств, которые предоставлены евреям, русским, литовцам и другим.

Постановления об евреях имеются и в договоре с Румынией, причем приняты меры, чтобы Румыния не обошла этих постановлений огульным признанием всех евреев иностранцами, как она это делала до сих пор. В этих видах в румынский договор включена статья 7-я, которая гласит: «Румыния обязуется признать румынскими гражданами *ipso facto* и без требования каких бы то ни было формальностей всех евреев, живущих на румынской территории, которые не принадлежат к гражданам какого-нибудь другого государства».

В договоре с Чехо-Словакией специальных постановлений о евреях нет, и права евреев определяются общими постановлениями о правах национальных меньшинств.

¹⁾ Термин «значительное» точно не определен.

Наконец, остановимся еще на постановлениях, обозначенных в договорах, как «санкции».

В германском договоре они состоят в следующем:

«Союзные державы возбуждают против Вильгельма II Гогенцоллерна, бывшего императора германского, публичное обвинение в тяжком преступлении против международной морали и святости трактатов.

«Будет образован особый трибунал, чтобы судить подсудимого, с предоставлением ему существенных гарантий защиты. Трибунал будет состоять из четырех судей, назначаемых каждой из следующих четырех¹⁾ держав: Соед. Штатов, Великобритании, Франции, Италии и Японии.

«Суд в своем приговоре будет руководствоваться высшими принципами международной политики; его задачей будет упрочить уважение к обязательствам международных договоров и к международной морали. Его обязанностью будет определить наказание, которое он сочтет соответствующим делу.

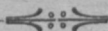
«Союзные и присоединившиеся державы обратятся к нидерландскому правительству с просьбой выдать им бывшего императора для суда над ним». (Ст. 227).

Кроме императора Вильгельма, мирный договор с Германией требует предания суду всех германских граждан, виновных в преступлении против законов и обычаев войны. Если пострадавшими от их преступления являются граждане одного какого-нибудь союзного государства, то судить подсудимых должен военный суд этого государства; если нескольких, то особый военный суд, составленный из членов военных судов всех заинтересованных государств. Подсудимый имеет право сам выбрать себе защитника. В обоих случаях Германия обязана выдать обвиняемых для суда и сообщить суду над Вильгельмом, в котором судьи при определении наказания (очевидно, за невозможностью отыскать соответствующий закон) руководствуются усмотрением, в этом процессе наказание налагается «по законам» (ст. 228, 230). Дальнейших подробностей о процессе в договоре нет, в частности, нет очень важного указания на то, на основании законов какой страны будут вестись процессы и налагаться наказания в новообразуемых смешанных судах разных государств, до сих пор ни одним законом не предусмотренных.

Совершенно аналогичные постановления о предании военному суду виновных в преступлении против законов и обычаев войны австрийцев, мадьяр и болгар имеются и в других мирных договорах, конечно, за исключением специальной статьи о Вильгельме.

Постановление о нем осталось без исполнения. Нидерланды отказались выдать Вильгельма, и суд на нем не состоялся.

Напротив, значительное число других лиц, виновных в нарушении законов и обычаев войны, судилось и было осуждено.

¹⁾ Ошибка подлинника: следует перечень пяти держав.

VII.

Заключение.

Война кончена; мир заключен.

Мы ознакомились с его содержанием.

Что же, Версальский и все другие мирные договоры—утвердили они мир между народами на прочных основаниях? разрешили они все спорные вопросы, уладили все недоразумения между народами? обеспечили они государствам и народам непрерывный рост их экономического благосостояния и их культуры?

Оправдали они надежду, которую многие питали во время войны, что эта самая ужасная из всех войн—есть за то последняя война, которую ведет человечество, что она—«война войне»? Или, напротив, этот мир посеял новые семена раздора и войны? Выгоден он человечеству или нет? Или, если не человечеству, то хотя бы победителям, которые вместе составляют очень значительную часть человечества?

Последний вопрос с первого взгляда может показаться странным тому, кто вспомнит, какою данью мирные договоры обложили и побежденных в пользу победителей. И однако его ставят не только побежденные, но и победители, и многие из них разрешают его—и не без очень серьезных оснований—отрицательно.

Мир должен быть не торжеством грубой силы, а порождением чувства справедливости; он не должен никого унижать, напротив, его следует основать на уважении к правам народов и к достоинству человеческой личности; мы вели войну не с германским народом, а с Германией, за то, что ее правительство—правительство не честное, не верное своему слову, не признающее святости заключенных договоров; мы должны поднять уважение к ним и построить все будущие отношения, политические и торговые одинаково, на началах честности, справедливости, равенства всех народов. И если мы это сделаем, то нынешняя война будет последней войной; установленный нами мир будет прочным миром.

Так говорили государственные люди и печать всех союзных стран, и всех более—Вильсон. Этими идеями проникнута его программа, на основе которой было заключено перемирие.

Исполнено ли это, соответствует ли действительный мир этим заявлениям?

Нельзя отрицать того, что влияние Вильсона ясно чувствуется

чуть не на каждой странице различных мирных договоров, и в особенности той их части, которая посвящена Лиге Наций. Выражения о честности, справедливости, законности, уважении к святости обещаний и т. п. встречаются на каждом шагу, придавая трактатам совершенно новый, необычный характер.

И тем не менее на сейчас поставленный вопрос нельзя ответить иначе, как отрицательно: нет, Версальский и другие мирные договоры совершенно не соответствуют дававшимся обещаниям вообще и вильсоновской программе в частности.

Они не соответствуют ей не только потому, что грубо нарушен первый ее пункт—о публичном обсуждении условий мира на общем конгрессе—или потому, что нарушен какой-нибудь другой отдельный пункт; нет, они не соответствуют ей потому, что весь их дух, все их существо,—не дух и не существо вильсоновской программы, а все заключающиеся в них заявления о справедливости и законности—только бессодержательные слова, не находящие себе оправдания в конкретном содержании мирных договоров.

Германия, по требованию Вильсона, свергла Вильгельма и его правительство и выбрала новое. Тем не менее равноправным членом семьи народов она не признана, она не принята в Лигу Наций, и для нее назначена особая репарационная комиссия, являющаяся отныне истинным правительством Германии, как уже много лет *Dette publique* в Турции; президент республики и министры обязаны ей отчетом и должны исполнять все ее требования. О равноправии нет и речи. Германия обязана допускать беспшлинный ввоз товаров из Эльзаса или Польши, тогда как Франция и Польша могут обложить товары Германии какими угодно, хотя бы запретительными, пошлинами; Германия обязана трактовать каждую союзную державу, как «наиболее благоприятствуемую»,—те могут отвечать полным бойкотом германской торговли.

Германские граждане за границей беззащитны; собственность их в любую минуту может быть ликвидирована правительством союзной державы. И в самой Германии союзные державы требуют, чтобы она отдала им не только свою государственную собственность, но и личную собственность своих граждан: корабли, рыбацьи пароходики, угольные копи и т. д.

Доныне самые суровые мирные договоры цивилизованных народов признавали частную собственность неприкосновенной для победителей, только во время самой войны допускалось ее нарушение, но не после победы и заключения мира,—и это одно уже говорит не о шаге вперед, а о крупном шаге назад в области международного права; не о повышении, а о понижении чувства законности.

С уважением к законности в Версальском договоре дело обстоит особенно печально. Мы видели, что репарационные комиссии не связаны никаким кодексом законов или правил, но руководствуются принципами правосудия, справедливости и добросовестности.

Не менее ярко сказывается новый взгляд на законность в суде над имп. Вильгельмом.

С точки зрения действовавшего и признававшегося до сих пор всеми государствами права, суд над Вильгельмом представляется грубым нарушением всех его принципов: Вильгельм, как император, пользовался безответственностью, и отвечать за его действия должны министры, контрассигновавшие его акты. Только революция могла судить монархов—теперь провозглашают такое право державы, стоящие на правовой почве. Судить Вильгельма предполагается за преступление против международной морали, но такие преступления не предусмотрены ни в одном существующем законе, а в современном правосознании всех цивилизованных народов еще с римских времен укоренилось убеждение, что преступления нет там, где нет закона, предусматривающего его, как не может быть и наказания, законом не предусмотренного (*nullum crimen, nulla poena sine lege*). Но раз нет закона, то приходится усмотрению будущего трибунала предоставить полный простор и в деле определения наказаний,—от какого-нибудь выговора или порицания до смертной казни.

Суд над Вильгельмом не состоялся,—и кто знает, не обрадовались ли правительства Англии, Франции и других стран отказу со стороны Нидерландов в выдаче Вильгельма, который вывел их из затруднительного положения: ведь те соображения, которые сейчас приведены мною, несомненно были бы приведены на суде, и возражать на них было бы трудно. Но и помимо всех этих соображений самый состав суда из заведомых врагов подсудимого представляется весьма сомнительным с точки зрения справедливости и законности. Существуют же нейтральные государства, создана, наконец, Лига Наций, которая *de facto* мало чем отличается от Антанты, но все-таки с нею не совпадает,—но Парижская конференция не решилась доверить суда ни первым, ни даже последней. Только врагам поручен суд и над другими виновниками в нарушении законов войны, причем как бы огулом признано, что такие виновники имеются только в странах германской коалиции, а в армии или среди гражданского населения союзных держав их не может быть даже в виде исключения.

Военные силы Германии ограничены очень скромной нормой, и ей предписано комплектовать их не иначе, как по найму. Если бы это было началом общего разоружения, то с той точки зрения, на которой построена вильсоновская программа, против этого нельзя было бы возражать. Но запрещение Германии сохранить воинскую повинность делается как раз в то самое время, когда Англия, вопреки прежним заявлениям своих государственных людей, окончательно решила перейти к ней от прежней системы найма солдат.

Вообще Германия не только вычеркнута из семьи народов, но, как об этом весьма убедительно говорила ее делегация в своих замечаниях на первоначальный проект Версальского мира,—перестала быть суверенным государством и стала царией среди государств.

И то же самое можно сказать об Австрии, Венгрии, Болгарии, не говоря уже о Турции, которая суверенной не была и раньше ¹⁾.

Все это не может не питать чувства злости, правда, бессильной, не оскорблять национального самолюбия, не вызывать мечты о реванше, с одной стороны, а с другой—не создавать для союзных держав необходимости сохранять свою военную силу в неослабленном виде для предупреждения и подавления всякой попытки реванша. Вместо мира, основанного на справедливости, взаимном доверии, равенстве, того мира, ради которого создана Лига Наций, мы имеем прежний вооруженный мир, основанный либо на возможном равновесии различных враждебных друг другу политических комбинаций, либо на полном подавлении одних другими. Само собою разумеется, что такой мир всегда чреват новыми войнами, даже тогда, когда побежденные приведены в состояние полного бессилия.

Раздел Германии и Австро-Венгрии, возвращение Эльзас-Лотарингии Франции, создание Польши и Чехо-Словакии, расширение Сербии и Румынии и даже уступка сев. полосы Шлезвига Дании,—все это в общем соответствует духу вильсоновской программы и все это даже прямо было указано в ней (кроме Шлезвига, о котором в ней не упоминалось).

Несомненно и то, что если сравнить все мирные договоры последнего столетия, начиная с Венского и Парижских 1814—15 г. (а если угодно, то и с более ранними), то в области территориальных перемен нельзя не отметить значительного шага вперед. На Венском конгрессе дипломаты делили народы между властителями, статистически исчисляя головы людей, как головы скота, совершенно не считаясь ни с национальностью, ни с политическими желаниями населения, ни с экономическими интересами области.

Теперь интересы и желания народов были всегда на языке, и если не всегда, то все-таки часто—и в решениях участников конференции. Теперь впервые в широких размерах введен в международные отношения плебисцит.

Но и теперь нельзя не отметить, что новый принцип проведен далеко не последовательно.

Мы видели, что «польский корридор», Мемель, Эйпен и Мальмеди и, в особенности, Данциг оторваны от Германии без плебисцита или (Эйпен и Мальмеди) с каким-то явно недобросовестным подобием плебисцита, тогда как для такого отторжения (с точки зрения уважения к правам населения) основания были или сомнительные (польский корридор и Мемель), или их вовсе не было. Мы видели, что полоса Шлезвига, отданная Дании, была выкроена так, чтобы датчане в ней майоризировали германское население, и что исход

¹⁾ Немецкие государствоведы, напр., проф. Stier Sowlo в своей новой книге «Das Staatsrecht des Deutschen Reichs», Berlin 1921, доказывают, что, несмотря на все, Германия остается государством суверенным, так как международные обязательства суверенитета не уничтожают; но в их доказательствах скорее слышится желание, чем действительное убеждение. Несомненно, германская делегация ближе к истине.

голосования был в ней подсчитан по всей полосе, тогда как именно там были все основания для подсчета по общинам. Мы видели, наконец, что чисто немецкая Саарская область отнята от Германии на 15 лет, и что приняты искусственные меры (передача копей Франции) к тому, чтобы плебисцит, отодвинутый на исключительно долгий срок, дал благоприятные для Франции результаты.

То же самое и даже еще в большей степени сделано в Австро-Венгрии. Но тут дело не только в отторжении от нее определенных земель, тут дело в том, кому они переданы. 6 миллионов русинского населения Галиции переданы (с плебисцитом через 25 лет., т.-е. когда новое человеческое поколение сменит ныне живущее) ненавистной ему Польше; 3 мил. немцев в Богемии переданы Чехии; несколько сот тысяч немцев Тироля, значительное число словен и сербов Истрии и Далмации, греков Родоса—отданы Италии; отдавая ей это население, державы не позаботились обязать ее уважать права национальных меньшинств, и весьма вероятно, что Италия начнет их грубую романизацию. Все это сделано без плебисцитов, и все это вызывает сильное недовольство местного населения. В частности, по отношению к Италии у нас есть уже очень яркое доказательство такого недовольства: на выборах в итальянскую палату депутатов в мае 1921 г. в Тироле избрано 4 национально-немецких депутата, в Истрии 6 национально-словенских депутатов, и эти 10 депутатов являются в палате национальной оппозицией. До сих пор была в Австрии *Italia irredenta*, теперь, вместо нее появились в Италии *Germania irredenta* и *Slavonia irredenta*.

Несмотря на то, что плебисцитарным областям за голосование в пользу отторжения от Германии и Австрии давалась такая богатая премия, как избавление от военного долга и от контрибуции (в общей сложности в Германии составляющих бремя в 4500 марок на душу населения, в Австрии еще больше),—несмотря на это, исход почти всех плебисцитов, пока имевших место, выпал в пользу Германии и Австрии, свидетельствуя тем о той излишней щедрости, с которой державы назначали эти плебисциты ¹⁾.

Немецкое население в Шлезвиге, на юге Восточной Пруссии, в Верхней Силезии, в Клагенфурте везде голосовало за Германию и Австрию, и это несмотря на богатую премию за голосование против нее.

А в Верхн. Силезии даже значительная часть поляков голосовала за Германию. Об этом я говорил уже выше.

Связанный с территориальным разделом Германии и особенно Австро-Венгрии раздел государственных долгов и контрибуции является добавочным источником недовольства. Нельзя забывать, что население отнятых от Германии и Австро-Венгрии земель имело своих депутатов в германском рейхстаге и в австрийском рейхстаге, и все его депутаты—поляки в Германии и Австрии, чехи и сербы в Австрии, датчане, даже эльзасцы в Германии,—все они голосовали за войну и

¹⁾ Этот исход свидетельствует во многих случаях о поразительной силе немецкого национального чувства.

и военные кредиты¹⁾; все эти народы участвовали в войне против союзников, и все одинаково несут ответственность за нее. В Чехии произошла революция, и Чехия объявила себя на стороне союзников, но только в самые последние месяцы войны,—до того она ничем не обнаружила своего антиавстрийского настроения. Что же касается австрийских и венгерских сербов и хорватов, то они обнаружили даже особенно ярый австрийский патриотизм²⁾. А между тем все они избавлены и от военных долгов и от контрибуции.

Контрибуция вместе с другими экономическими тяготами наложена на побежденные страны очень тяжелая.

Мы уже видели, что она покрывает лишь ничтожную долю военных издержек стран-победительниц, и с точки зрения, до сих пор господствовавшей в международном праве, она должна быть признана вполне оправданной.

Другое дело с точки зрения целесообразности.

Несомненно, она питает чувства злобы, обиды и мести,—но не в этом дело. Против реванша со стороны Германии державы приняли достаточные меры, и на долгое время (по крайней мере, пока между ними самими господствует согласие) они с этой стороны обеспечены, и злоба Германии останется бессильной.

Гораздо важнее то, что эта контрибуция, вместе с созданным бесправием Германии и ее союзниц в торговой области, лишает Германию на долгое время возможности оправиться.

Но ведь это выгодно для победителей?

Едва ли.

Но ведь исчез опасный конкурент. Чего же можно желать?

Исчез не только конкурент, но исчез и потребитель и покупатель английских, французских и американских товаров, и вся мировая торговля приведена в замешательство.

На Германию наложена большая контрибуция, денежная и вещная. И вместе с тем у нее отняты морские суда, сильно поврежден сухопутный транспорт, разрушена ее производительность, и она не в состоянии исполнять свои обязательства в полном объеме. Взносов за первые месяцы 1922 она уже не уплатила, и их пришлось отеречь. Положение Австрии еще безнадежнее.

1) Два эльзасских депутата, социал-демократ Вейль и клерикал аббат Веттерле, бежали из Германии во Францию, а первый из них даже поступил во французскую армию и участвовал в войне против Германии, чем, конечно, достаточно засвидетельствовал свое отношение к делу Германии. Но их было только 2 из 15.

2) В декабре 1914 г. я был в Сербии; тогда только что закончилось первое австрийское наступление на Сербию и сменилось бегством из нее. Бежавшие австрийцы оставили за собою ужасающее разрушение, несомненно свидетельствующее о бесчисленной жестокости. Я интересовался, какая из австро-венгерских народностей обнаруживала особенную жестокость, особенную страсть к разрушению, и положительно от всех получал один и тот же ответ: хорваты.

Р. С. После того, как настоящая книжка была написана и сдана в печать, произошли, по сообщению газет, следующие события, имеющие прямое отношение к ее содержанию.

Необходимость пересмотра Версальского мира настолько вошла в общее сознание Англии, что эта страна вовсе отказалась от предначавшейся ей доли германской контрибуции, равняющейся 29 миллиардам золотых марок. Таким образом, контрибуция, возложенная на Германию, понизилась с 132 до 103 миллиардов марок. Вместе с тем, английский член вышел из состава германской репарационной комиссии.

В Рапалло (около Генуи), 16 апр. 1922 г., подписан русско-германский договор. В силу этого договора Россия отказалась от предоставленного ей 116 статьей Версальского мирного договора права требовать с Германии также и свою долю контрибуции. В свою очередь Германия отказывается от претензий, вытекающих из национализации имуществ в России и из других мер, принятых в России со времени октябрьской революции 1917 г. Однако, она отказывается от своих претензий не безусловно, а только «при условии, что правительство Р. С. Ф. С. Республики не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств». Напротив, Россия отказывается от права, предоставленного ей Версальским миром, безусловно.

8 июня 1922 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	Стр.
Предисловие	III
ГЛАВА I. До Парижской конференции. Последние месяцы войны и начало мирных переговоров	9
ГЛАВА II. Парижская конференция. —Ее состав.—Взаимные отношения держав к ней.—Ход совещаний.—Роль Вильсона.—Заключение Версальского мирного договора.—Другие мирные договоры.—Ратификация мирных договоров.—Отказ Соединенных Штатов ратифицировать их.—Сепаратный мир, заключенный Соединенными Штатами.	23
ГЛАВА III. Лига Наций. —Договор о Лиге Наций.—Его характер и содержание.—Возникновение Лиги Наций.—Ее деятельность в 1920 г.	41
ГЛАВА IV. Содержание мирных договоров.—Территориальные перемены.	53
А. Германия	55
Б. Австро-Венгрия	62
В. Балканский полуостров с Румынией и Турцией.	66
Г. Колонии	68
ГЛАВА V. Экономические условия мирных договоров	70
А. Конtribusiи	70
Б. Другие экономические условия	78
В. Финансовые условия (государственные долги)	80
ГЛАВА VI. Политические и правовые условия мирных договоров.	82
ГЛАВА VII. Заключение.	87
Важнейшие печатки	95

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Следует.
IV	6, 4, 2 снизу	Jeag	Yeag
VI	1 снизу	специально о § 1	специально о
VII	1 сверху	главы четвертой	главе четвертой
VIII	2 сверху	27	26
VIII	3 сверху	«мир»	мир
9	1 и 2, сверху	До Парижской конференции I	I До Парижской кон- ференции
24	27 сверху	все «пять	все пять
25	1 снизу	с 1900	с 1910
26	34 сверху	Либерия и др.	Либерия и др.)

Центральное Кооперативное Издательство „МЫСЛЬ“

Петроград, Ковенский пер., № 11.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ:

	Руб.
Н. Гумилев—Тень от пальмы, расск.	30
Н. Гумилев—Стихотворения, посм. сб.	75
Рабиндр. Тагор—Нов. пьесы, пер. под ред. В. Г. Тана	75
Г. Иванов—Лампада, стих.	30
И. Одоевцева—Двор чудес, сборн. стих.	25
В. Ходасевич—Путем зерна, стих.	20
Н. Гумилев—Мик, поэма	20
Н. Гумилев—Фарфоров. павильон, стихи	20
Ю. Верховский—Солнце в заточении, стих.	30
М. Шкапская—Час вечерний, стих.	35
Н. Глебов—Чайковский.	100
Е. Браудо—Бородин	100
В. Водовозов—Гр. Витте и Николай II	75
В. Водовозов—Версальский мир и Лига Наций.	60
Р. М. Кантор—В погоне за Нечаевым	60
Памяти В. Г. Короленко—сб. ст. под ред. А. Б. Петрищева	100
Проф. И. М. Кулишер—Лекции по истории эконом. быта Западной Европы	100
Проф. А. С. Догель—Старость и смерть	30
Проф. А. С. Догель—Различные формы проявления жизни на земле	10
Проф. В. Л. Якимов—Паразиты человека.	75
Г. Д. Белоновский—Бактериология.	45
Акад. В. И. Палладин—Невидимые живые существа	40
Акад. В. И. Палладин—Физиология растений.	160
Г. Олсуфьев—Собирание насекомых.	10
Н. А. Крюков—Продукты птицеводства	20
Н. А. Крюков—Мясо и его продукты.	60
Проф. Л. М. Лялин—Плоды и ягоды.	40
Проф. Л. М. Лялин—Жиры и масла	60
Н. Н. Полевицкий—Сушка овощей	100
М. Новорусский—Почва	35
М. Новорусский—Яйцо	15
Овощи, сборник статей	60
К. Дебу—Бороны	30
К. Дебу—Кормозапарники	20
К. Дебу—Соломорезки и корнерезки	40
К. Дебу—Сушка картофеля	40
К. Дебу—Садовые опрыскиватели	40

	Руб.
А. Барановский —Древозалы и корчеватели	59
П. Н. Елагин —Основы огородничества, 7 печ. лис. с рис.	—
Проф. Н. П. Спиченко —руководство по садоводству и огородниче- ству, ч. I и II, 24 печ. листа с рис.	—
П. Н. Елагин —Кролиководство, 4 печ. листа с рис.	—
Проф. К. Дебу —Культиваторы, 15 печ. листов с рис.	—
Проф. К. Дебу —Торф, 9 печ. листов с рис.	—
Инж. А. Барановский —Двигатели в сельском хозяйстве, 5 печ. листов с рис.	—
Инж. А. Барановский —Луговые орудия, 6 печ. лист. с рис.	—
Инж. Н. Юферов —Плуги, 5 печ. листов с рис.	—
Проф. А. Пресс —Столярн. ремесло	60
Проф. А. Пресс —Токарн. ремесло	30
Проф. А. Пресс —Лесопильное производство, 6 печ. листов с рис.	—
Н. Песоцкий —Бочарное дело, 5 печ. листов с рис.	—
Н. Песоцкий —Экипажное дело, 5 печ. листов с рис.	—
И Костенко —Телефон, 4 печ. лист. с рис.	—
Проф. М. Евангулов и И. М. Холмогоров —Введение в машино- строение, 4 печ. листа с рис.	—

Цены указаны в дензнаках выпуска 1922 г.

При заказах обществ и частных организаций—скидка 25%. Заказы исполняются по переводам. При исчислении суммы заказа необходимо руководствоваться напечатанными ценами. В случае их повышения на разницу будет произведен наложенный платеж.